

повозки кроме двух повозок со снарядами, у которых были расстреляны запряжки, спустить с горы и двинуть по дороге в направлении «на Шюйньоль».

Эта храбрая батарея потеряла 8 августа не меньше, чем одного офицера убитого (лейтенант Шульц), одного офицера тяжело раненого, 8 солдат убитых, 14 солдат раненых и 6 солдат пропавших без вести.

Около 12.12 противник крупными силами повел охватывающую слева атаку на выс. 84 и на позицию II батальона 203-го рез. полка. Снова танки, число коих на этом третьем участке атаки еще раз увеличилось в каждой дивизии на 12 штук, прокладывали дорогу пехоте. Снова воздушные бомбы в течение длительного времени свистели над пехотой и особенно над артиллерийскими позициями, и снова охват с юга решил дело. Несмотря на то что огнем не только 9-й батареи 243-го полка легкой артиллерии, но и легкого миномета группы связи дивизии и I батальона 13-го полка было подбито несколько танков, а неприятельская пехота под градом пулеметного и винтовочного огня и от ручных гранат понесла большие потери, слабый II батальон 203-го рез. полка оказался бессильным против охвата и одновременной танковой атаки с фронта. Около 1.30 его сопротивление было сломлено; лишь штабу и резервной роте удалось отойти в лес, что северо-западнее Прояр. Из трех передних рот и пулеметной роты лишь остатки смогли прорваться, большая же часть была подавлена и захвачена в плен. Аналогичная судьба постигла также и находившийся на левом фланге «малый резерв»¹, (I батальон 13-го полка), после того как он полностью расстрелял свои боеприпасы. Таким образом противник овладел командной высотой и достиг своей последней цели атаки. Дальше он не преследовал. Поэтому I батальон 13-го полка и группа связи дивизии, отводя свой левый фланг (3-я рота 13-го полка) до самой опушки леса, что северо-восточнее выс. 84, и путем введения всех резервов смогли задержаться на новой позиции, тянувшейся от этой опушки леса в направлении на Мерикур.

Между тем командир 202-го рез. полка майор Кульвейн фон Ротенов прибыл на пору Георга. Он занял юго-западный скат этой горы всеми вышедшими из боя между Серизи и Мерикур пулеметами (в особенности 1-й пульроты 201-го рез. полка и 2-й пульроты 202-го полка), а пехоту (главным образом 3-ю и 4-ю роты 97-го полка с остатками передних и ударных батальонов 97-го, 55-го и 13-го полков) расположил сзади в лесу в качестве резерва. Около 13.00 он установил связь с 85-й рез. бригадой, которая возложила на него прикрытие промежутка между горой Канал и I батальоном 13-го полка. Для этого ему были подчинены: 2-я рота 202-го рез. полка, которая уже находилась на позиции у моста западнее Мерикур (стр. 55), затем 5-я рота 97-го полка², которая уже охраняла западную окраину Мерикур, а также 6-я рота и специально сформированная ударная рота 97-го полка, которые были расположены в районе между Мерикур и правым флангом I батальона 13-го полка. Таким образом около 14.00 был установлен, хотя правда очень тонкий, сплошной фронт между горой Канал и лесом, что северо-западнее Прояр. Поддержкой для

¹ Составленный из писарей, посыльных и т. д., всего около 30 штыков.

² II батальон 97-го полка был расположен на отдыхе в Карпи и одновременно подтянут к горе Георга (стр. 55).

его служили части, занимавшие гору Георга, на северо-восточном скате которой находились 4-я, 6-я и 9-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии¹. Эти части состояли из отдыхавших взводов 1-й и 2-й рот VII саперного батальона, 3-й и 4-й рот 97-го полка с частями 55-го, 13-го и 15-го полков, которые прибыли сюда частично из передовых позиций и частично из боя восточнее оврага Ромер; позднее сюда явились также остатки II батальона 203-го рез. полка.

Противнику при его подавляющем превосходстве было бы очень легко эту слабую линию обороны отбросить к долине Соммы и таким путем ликвидировать позиции на горе Канал. Однако с достижением выс. 84 его предприимчивость была исчерпана.

Монгомери (стр. 43) говорит об этом боевом участке следующее:

«Бригады 4-й австралийской дивизии вследствие потерь, которые они понесли от неприятельского огня на левом фланге, не могли так быстро продвигаться, как бригады 5-й дивизии². Около 12.00, возобновив движение, они снова понесли большие потери, так как противник ввел в действие на северном берегу Соммы большое количество артиллерии. Когда же войска на крайнем северном фланге увидели, что по ним ведется огонь с этого фланга и даже с тыла, фланг левого батальона южнее Мерикур был отбит назад. Вслед за тем, как стало известно, что наше продвижение вперед севернее реки приостановлено, находившаяся в резерве 4-й дивизии 1-я бригада была выдвинута для прикрытия и расположена вдоль южного берега Соммы западнее Моркур».

Из этого описания ясно видны отличные действия батарей, стоявших в районе леса Селестид и у горы Канал.

3. 41-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

41-я пехдивизия занимала наиболее важный и наиболее трудный участок всего армейского фронта. Важным он был потому, что его проходила большая армейская дорога Амьен—Перон с ответвлением на Шальи-Нель, и трудным потому, что была совершенно открытая и ровная местность, которая при превосходстве противника в воздухе и при командующем положении его позиции не допускала никаких передвижений днем. Всякие работы по укреплению позиций и всякие крошечные работы легко обнаруживались аэрофотосъемкой; для прикрывания танков местность не представляла почти никаких препятствий. Тем более необходимо было бы более узкое и глубокое расположение пехоты и артиллерии дивизии. Однако как раз ее фронт, если измерять по переднему краю, имел протяжение 4,4 км; не менее 16 пехотных рот было расположено на переднем крае и впереди него 3 рот непосредственно позади него, что означает, что $\frac{2}{3}$ всей пехоты были расположены без всякого эшелонирования в глубину. Ни из одного из трех полков нельзя было вывести батальона в полном составе в резерв или с целью отправления его для более удобного отдыха. Было выделено из 152-го полка только 3 роты, из 18-го и 7-го полков только по одной пехотной и по одной пулеметной роте. При всем том фронт был занят чрезвычайно слабо. В 152-м полку, который располагал гораздо большим количеством сил в окопах, на каждую из расположенных в передовой линии рот пришлось участок

¹ Эти батареи в ночь на 8 августа были переброшены из полосы 43-го рез. дивизии на северный берег Соммы (стр. 42).

² Южнее.

свыше 300 м. Всего 60—75% личного состава было выдвинуто в боевое охранение, остальное было на переднем крае в первом эшелоне. И здесь, приказ, что эти сильные, но по ширине фронта необходимые части боевого охранения при обнаружении серьезного наступления должны отойти на передний край, оказался бледной теорией. При силе неприятельского артиллерийского огня, быстроте продвижения австралийцев и вследствие густого тумана боевому охранению почти нигде не удалось отойти на передний край. Недостаточная глубина обороны дивизии еще задолго до 8 августа служила для дивизии поводом к серьезным заботам, тем более что с фронта приходили все новые сведения, по которым можно было заключить о большой атаке. Как выше уже было сказано (стр. 32), ходатайства дивизии о сужении участка фронта были безуспешны. Но дивизия помогла себе уже тем, что она в ночь на 4-е августа передний край, находившийся недалеко от линии передовых постов, оттянула назад на линию прежних запасных артиллерийских позиций, так что район между передовыми постами и этим новым передним краем дал хоть какую-нибудь глубину. Однако эти новые позиции естественно вовсе не были оборудованы, о каких-либо сплошных окопах и речи не могло быть, защищенных от огня убежищ почти не было вовсе, препятствия были лишь обозначены. Артиллерийские запасные позиции еще не были выбраны.

Вся артиллерия также стояла слишком далеко впереди. Хотя дивизия и посчастливилось после длительных и упорных просьб 5 августа получить еще один артиллерийский дивизион (II дивизион 27-го полка легкой артиллерии) и путем использования его по обеим сторонам Байонвиллер достичь несколько более глубокого расположения артиллерии, все же и после этого ни одно орудие не стояло дальше 4,5 км от переднего края, а главная масса артиллерии значительно ближе. Также и тяжелой артиллерии должно было поступить значительное подкрепление; дивизии было передано 4 батареи гвардейского ландверного батальона тяжелой артиллерии, к несчастью доставленные на позиции лишь частями. Из 1-й батареи лишь два орудия были поставлены на позиции 5-й батареи 4-го полка тяжелой артиллерии. Последняя должна была быть выведена и должна была оставить здесь лишь одно действующее орудие. 2-я батарея прибыла на свою позицию в ночь на 8 августа и успела установить лишь две свои мортиры, когда начался ураганный артиллерийский огонь противника, но не успела еще пристреляться. 3-я батарея еще не прибыла, а 4-я достигла лишь Проя. Вследствие этого в действительности тяжелая артиллерия имела всего лишь 15 готовых к действию орудий, легкая артиллерия — всего 36 орудий¹, т. е. каждое орудие на всем участке обороны дивизиона должно было прикрывать заградительным огнем участок протяжением в среднем 86 м. Весьма неблагоприятным образом впоследствии сказалось то, что масса батарей должна была содействовать 148-му полку в его атаке, организованной с целью разведки (стр. 99). Произведенный при этом расход боевых припасов уменьшил количество имевшейся на ог-

¹ II дивизион 27-го полка легкой артиллерии имел всего по 3 орудия в каждой батарее. В 79-м полку легкой артиллерии с самого начала хватало для участия в заградительном огне трех орудий, взятых противотанковой обороны, и двух орудий, которые были испорчены. 7-я батарея была взята из состава дивизиона.

в этих позициях наличности снарядов на 2 суточных комплекта, так что несколько батарей позднее в ходе неприятельской атаки уже не имели снарядов.

Эта разведывательная атака повлекла за собой еще и другие невыгоды. Предполагалось встретить сильное неприятельское противодействие и сильный огонь в виде мести, и поэтому пехоте было указано бесцельно задерживаться вне укрытий. Это предприятие закончилось около 5.00. Когда затем спустя 20 мин. начался ураганный артиллерийский огонь противника, пехота подумала: это и есть огонь в возмездие за атаку и ничего больше, и укрылась, как могла. И артиллерия не сразу открыла ответный огонь, так что минуты, имевшие для атакующего большое значение, не были использованы.

Позиции по обе стороны Римской дороги были вверены командиру батальона 152-го полка капитану Гацфельд, офицеру с богатым опытом, чрезвычайно энергичному и пользовавшемуся уважением в войсках.

Человек, который завоевал у всех нас большое доверие, который умел «заводить людью» (из доклада лейтенанта Бук I батальона 152-го полка).

Капитан Гацфельд в своих записках о тех днях сообщает следующее:

В 5.20 английская артиллерия открыла сильный огонь, снаряды ложились во всей местности впереди меня. По моему командному пункту вначале слабый огонь. Слабый туман мешал наблюдению, однако не настолько, чтобы нельзя было видеть выпускаемые впереди ракеты. Немедленно в штаб стоявший в Байонвиллер, по земному телеграфу было передано требование об открытии уничтожающего и заградительного огня. Тогда очень скоро открылся огонь и нашей артиллерии, который сначала был сильный, а затем быстро ослабел.

В 5.30 огонь неприятельской артиллерии по моему командному пункту Артиллерийской балке¹ начал усиливаться. Одновременно туман сделался чрезвычайно густым, так как противник применил дымовые снаряды. Туман сделался настолько густым, что стало невозможным из окопов хоть сколько-нибудь видеть ферму, несмотря на то, что ферма примыкала вплотную с юга к самой дороге. Теперь в течение боя уже нельзя было больше пользоваться никакой световой сигнализацией. Прочие средства связи также отказали в действии. Станции для шифрования через землю при 2-й роте и при штабе полка уже больше не отвечали, телеграфная связь была сразу же разрушена. Позднее, когда атака ясно обозначилась, я попытался послать донесение почтовым голубем, однако последний из-за тумана тут же вернулся обратно. Уже же после 6.00 наша артиллерия была в значительной степени вынуждена к молчанию.

Сначала я полагал, что это противник огнем мстит нам за атаку 152-го полка, затем считал, что это местная атака. Из-за суматохи боя нельзя было также представить себе картину о протяжении по фронту английского Ориентировки с тыла я вообще не имел, а донесения с фронта в течение 1¼ часов не доходили. Так я почти до 6.00 полагал, что буду заниматься, а на худой конец при поддержке 2-й и 1-й рот, которые должны соответствующие приказы. Я не имел точного представления о действительности и силе английского огня, который велся главным образом по нашей артиллерии.

В 6.00 я подготовил находившиеся в моем распоряжении и стоявшие в командном пункте части, чтобы воспрепятствовать вступлению противника в долину; кроме того 4-я и 8-я роты, подчиненные командиру ударного батальона, должны были активно действовать.

Предполагается балка, что севернее и южнее Ламот.

Хотя теперь неприятельский артиллерийский огонь велся по командному пункту уже не с такой силой, но все же я не мог слышать огня пулеметных гнезд, который обычно всегда является предвестником приближающейся атаки. Около 6.40 вдоль Римской дороги отходило около 12 человек 12-й роты, которые донесли, что противник прорвался через передний край. Вслед за тем пришли сведения из 8-й роты, что противник также уже занял позиции 1-й роты. Я немедленно приказал 8-й роте перейти в контратаку и выручить 1-ю роту, 2-й роте я также приказал перейти в контратаку левым флангом вдоль дороги.

Артиллерийский ординарец был послан к ближайшей батарее для ориентирования ее в обстановке и для передачи просьбы поддержать контратаку в переднем крае. Наверное посыльные запоздали, так как вслед за этим к мне пришел лейтенант 2-й роты Зейферт, раненый в верхнюю часть правой руки, и доложил, что противник занял позицию его роты.

Теперь ясно, что нужно ожидать атаку непосредственно на мой командный пункт. Организация обороны на нем видна на схеме 4.

Ком. пункт командира
батальона первой линии
152-го пех. полка в 7³⁰
8 августа 1918 г.

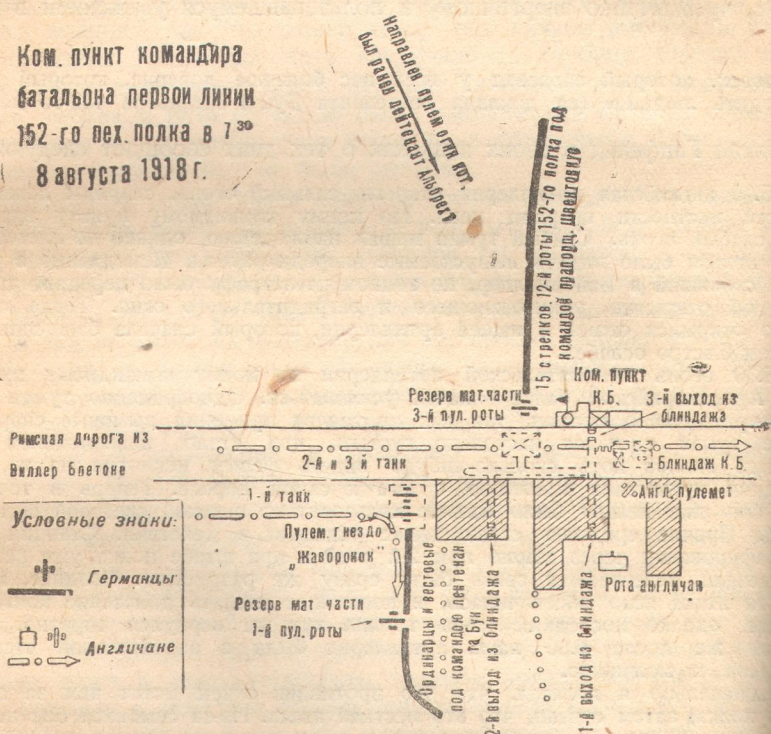

Схема 4

Я надеялся держаться долгое время, чтобы таким путем иметь возможность выиграть время для организации контратаки дивизионным резервом. Но тут последовала первая атака южнее дороги. В тумане я увидел первого появившегося танка, который двигался на пулеметное гнездо «Жаворонок». Три пулемета тотчас же открыли сильный огонь, но остановить его не смогли. Он прошел через них. Как позднее установил командир 3-й пулроты лейтенант Франциус, один пулемет был уничтожен, а несколько человек прислуги было убито. Дальнейший ход боя южнее дороги я не мог наблюдать несмотря на то, что туман несколько рассеялся и лишь даже строения фермы; все же эти последние препятствовали дивизии влево. Я предполагаю, что левая часть стрелкового фронта

зена или взята в плен танками и вплотную за ними следовавшими частями.

правому флангу и по командному пункту вслед за тем открылся справа пулеметный огонь, причем стоявший сзади меня адъютант Альбрехт был сбоку ранен в лицо навывер. Одновременно с фронта дорогу подошел второй танк, который был безрезультатно обстрелян из пулемета. Он без задержки прошел мимо командного пункта; пулемет был отодвинут вправо, при этом были убиты оба наводчика. Теперь можно уже было обозреть весь район вокруг командного пункта. Главная линия правее дороги исчезла. Причины этого я не узнал. Наверное, артиллерии Швентовиус не удалось удержать под пулеметным огнем бойцов роты, расстроенных боем впереди и на переднем крае оборонительной линии.

Все дороги ферма была занята австралийцами; как раз в этот момент в углу дома к воротам был выдвинут пулемет Льюиса. И там наших уже не было видно, лишь мы, четыре офицера, оставались еще живыми. Мы ввязались в огневой бой с австралийцами на близкой дистанции и имели при этом все же такой успех, что последние несмотря на значительное превосходство не осмелились пойти в атаку на наш танк. Тогда третий танк быстро прекратил нашу стрельбу. Перед подполковником по дороге чудовищем мы прыгнули в находившийся возле нас в блиндаж и быстро сползли по ступеням вниз. В это время в оба блиндажа уже летели ручные гранаты.

Бой закончился. Я приказал уничтожить все журналы, документы и т. д. Затем мы стали ожидать, что же теперь Томми станут предпринимать. Лишь около 8.00 вниз осторожно спустился один человек, окликнул подошедшего ближе к моему ответный голос и предложил нам по сильно разбросанным ручным гранатам ступенькам вылезть на воздух. Перед нами лежало большое количество убитых и раненых австралийцев. Кое-что сопротивление все же сделало.

В первой атаке южнее дороги принимали участие не один, а несколько танков, которые частично сначала снова возвратились назад, частично пошли дальше к югу в обход Варфюжэ и Ламот. Неприятельская пехота также обошла с юга и смогла быстро ворваться на раз все три пулемета были выведены из строя.

В этом местном бою у командного пункта командира батальона предвещала местами упорнейшая борьба передовых рот. Для правого фланга полка преждевременный прорыв противника на участке 15-го не мог не повлечь за собой невыгодных последствий. Там проигран уже в 6.15—6.30 достиг переднего края обороны. В один момент сообщают унтер-офицер Гральке и прапорщик Гензинг (9-й роты полка), что их позиция около 7.00 была атакована с правого фланга и с тыла. После жестокого гранатного боя сопротивление их было сломлено, когда с фронта атаковали крупные силы. Был ли этот бой жертвой которого сделалась несомненно также и 2-я рота, продвигаясь дальше до 10-й роты или последняя была подавлена атакой противника, неизвестно. Во всяком случае располагавшийся южнее Рим-моро дороги взвод 12-й роты под командой унтер-офицера Бодзиан также с тыла атакован. Последний пишет:

«Вдруг кто-то крикнул: «Томми с тыла!». И действительно в косом тумане сзади шел один танк, и также сзади мы услышали крики «ура». В этом тумане мы однако ничего не видели. Теперь мы открыли огонь с тыла. Наши люди твердо стояли в окопах, все пулеметы стреляли. Также и с фронта один за другим по дороге подошли 3 тяжелых танка, и за ними мы услышали крики «ура». Следовательно противник — австралийцы — с тыла, нет выхода ни вперед, ни назад. Насколько я мог видеть, атакующие части раньше подошли к нашим позициям с тыла и забросали их ручными гранатами. Я услышал лишь еще

от нашего левого пулемета крик: «Патроны кончились!», затем возле меня раздался страшный треск — один танк проходил непосредственно во мне через окоп, — затем еще один треск и я потерял сознание».

О бое 1-й роты 152-го полка рассказывает лейтенант Горгель:

«Около 7.00 возвратились несколько дезертиров 3-й роты и закричали: «Впереди Томми!». Из-за густого тумана контратака была исключена. Чтобы поднять дух людей, я приказал: «Огонь вперед! Стрелять до последнего патрона!». Станковый и 2 ручных пулемета были примерно через 10 минут приведены к молчанию попавшими в них снарядами. Третий ручной пулемет и оба легких миномета продолжали стрелять. С фронта ручной огонь до нас не велся. Около 7.30 мы услышали позади нас гудение танков и немного позднее 2 танка поползли с тыла через наш окоп, в то время по сторонам огонь из пулеметов и расстреливая наших людей с расстояния почти 20 м. Вслед за ними подошли беглым шагом и с диким ревом австралийцы и вытеснили нас из окопов».

Подобная же история вероятно произошла и в 8-й роте 152-го полка, которая наверное еще до 1-й роты была атакована справа с тыла видимо танками, которые повернули перед командным пунктом командира батальона. Остатки ее с двумя пулеметами были перехвачены западного края балки Кирх частью 2-й роты 26-го саперного батальона под командой подпрапорщика Шлейх. Когда и здесь стал угрожать охвату эта группа отошла на восточный край балки и оказала здесь некоторое сопротивление вплоть до полного окружения. Назад возвратились лишь 2 сапера.

Все-таки сопротивление 152-го полка было более успешным и продолжалось дольше, чем на участках соседних полков. Даже если считать что сообщения участников боя указывают на более позднее время, то все же западнее Варфюзе наверное шел еще бой, когда в 1-й пехдивизии и передовые и ударные батальоны были уже подавлены. На это указывают также сообщения противной стороны, которые отмечают более сильное сопротивление на том участке (стр. 85). Изменить общее положение не смогло также и самопожертвование группы Гацфельда, из которой лишь остатки прорвались на восток. Остатки ударного батальона назад возвратились 2 офицера и главная 4-й роты, которая особенно пострадала от огня противника по батарее 58-го полка легкой артиллерии и видимо была сильно построена, так как она отходила назад, не приняв участия в пехотном бою. Уже около 6.00 все орудия этой батареи не были приложены к действию, а в 7.00 невидимые пулеметы открыли огонь по ее огневой позиции. Когда вслед за тем поручик Бергауз, проходя мимо командного пункта командира переднего батальона 15-го полка, рассказывает о судьбе своего батальона (стр. 85), остатки прислуги отошли к батарее 58-го полка легкой артиллерии, которой однако также больше не пришлось принимать непосредственного участия в отражении наступления неприятельской пехоты, так как в это время (около 7.30) противник уже достиг своей первой цели атаки, а туман еще не рассеялся. Несомненно батарея была окончательно окружена, ибо она потеряла 29 человек пропавшими без вести. Еще хуже окончилось дело 2-й батареи 151-го полка тяжелой артиллерии, из которой не вернулось ни один человек.

Быстрое прекращение огня стоявшей южнее и юго-восточнее северной артподгруппы (III дивизион 79-го полка легкой артиллерии)

которая по сообщению капитана Гацфельд в первое время вела огонь на уничтожение, имеет достаточно веские основания. Батареи все 3 орудия были преждевременно выведены из строя неприятельским огнем, 8-я и 6-я батареи очень быстро израсходовали свои снаряды, потому что до 5.00 с лишком они находились в сфере действующего огня, поддерживая участок 148-го полка.

Более счастливо сложился дальнейший ход боя для 6-й батареи 58-го легкой артиллерии и II дивизиона 27-го полка легкой артиллерии. Их огневые позиции были менее подвержены ураганному огню противника и находились в 1—1,5 км восточнее его первой цели атаки. Противник лишь в 9.30 возобновил свое дальнейшее наступление, туман уже настолько рассеялся, что все 4 батареи имели возможность наблюдать. И вновь введенным противником сильным танковым давлением пришлось это почувствовать. Правда, вначале 6-я батарея 58-го полка легкой артиллерии могла вести огонь лишь из двух орудий, так как одно из трех как раз тогда вышло из строя. Однако эти орудия, перешедшие в 8.15 со своих позиций для стрельбы прямой наводкой, сразу же обнаружили появившиеся в балке Кирхшнейне колонны противника. С дистанции 1300 м зашипели по ним снаряды и заставили их быстро скрыться. Тогда с того же направления появился один танк, а немного позднее с южного выхода Ламот еще 2 танка, но все 3 были остановлены. Неприятельская артиллерия видимо еще не имела впереди своих наблюдателей, так как в противном случае она могла бы быстро сбить открыто стоявшие батареи. Так прошло немного времени до появления новых целей: снова с восточной окраины Ламот. И они должны были очень скоро появиться. Однако в конце концов еще один танк почти прямо с южного фланга подошел на расстояние 60 м и, нанеся огнем своих орудий и метов некоторые потери орудийной прислуге, стал угрожать противнику позиции. В последнее мгновение удалось и его вывести из боя. В этих успехах батарей приходится тем меньше сомневаться, так это подтверждается также соседними батареями 79-го полка легкой артиллерии. Капитан Роте и лейтенанты Зас и Зелиг III дивизиона 27-го полка легкой артиллерии, а также лейтенант Лау 6-й батареи II дивизиона 8-й батареи того же полка при отходе наткнулись на батарею 58-го полка легкой артиллерии и в значительной мере помогали в ведении этого огня.

Однако после этих успехов пехоте противника все же удалось приблизиться на угрожающую дистанцию. Так как кроме того по Римской дороге и в особенности несколько слева начало продвигаться все большее количество танков, героическая батарея должна была отойти. Тогда батареи 4-я, 5-я и 6-я батареи 27-го полка легкой артиллерии, начиная с 9.20 до 9.45 равным образом и еще с большим успехом действовали против танков и пехоты противника. В боевых донесениях батарей сообщалось о подбитии до 10 танков, из которых однако в той или иной мере некоторая часть была по всей вероятности подбита снарядом 6-й батареи 58-го полка легкой артиллерии. Во всяком случае на этом участке благодаря отличной выдержке и действиям батарей 4 батареи была пробита чувствительная брешь в танковой части, которая могла иметь существенное значение. Однако как раз на Римской дороге и южнее ее противник ввел не только исключительно боль-

шое количество тяжелых танков, но также и один батальон легких танков (12 штук), которые, очень быстро передвигаясь, уже не могли быть подавлены II дивизионом 27-го полка легкой артиллерии, тем более, что и у этого дивизиона запас снарядов начал истощаться. Около 9.50 эти батареи должны были быть переброшены, после того как до этого уже все 3 орудия 5-й батареи того же полка вышли из строя.

В этом бою участвовала также 1-я батарея 79-го полка легкой артиллерии, поставленная у Прояр как подвижная противотанковая батарея. Она стала на позицию на северной окраине Байонвиллер и смогла также остановить несколько танков, после чего единственная из своего полка успела взять орудия на передки. Так как противник теперь подошел уже на 400 м, ему удалось запряжку одного орудия расстрелять. Орудие пришлось оставить.

Относительно боя 18-го пехполка на среднем участке 41-й пехдивизии имеются лишь скудные материалы. По английским источникам можно однако установить, что австралийцы здесь нигде надолго не задерживались и что их атака до самой первой цели могла быть проведена планомерно. Из штабов обоих батальонов первой линии и 10 рот 18-го пехполка, введенных в бой, назад вернулись лишь 8 офицеров и 50 солдат. Очевидно передовые роты были полностью захвачены врасплох, чему еще больше, чем в 152-м полку, способствовала организованная непосредственно возле левого фланга полка ударная атака 148-го полка. Также 10-я и 7-я роты были сразу атакованы и подавлены танками и сильными пехотными волнами. Напротив слабой части правого передового батальона и 1-я рота были готовы к атаке. В этих последних дело дошло до короткого огневого боя на близких дистанциях, во время которого еще несменный штаб I батальона понес большие потери: командир батальона капитан Рихерт был смертельно ранен, адъютант лейтенант Берншторф и командир 3-й пулеметной роты лейтенант Андерс были убиты. Повсюду события повторялись так, как их описывает минометный офицер полка лейтенант Кнопке; он, будучи захвачен врасплох на передовых позициях ураганным огнем, сначала прибыл к командиру 11-й роты, а затем с передвижением огневого вала к востоку перебежал к новой позиции своих минометов.

«Она (позиция.—Ред.) представляла собой картину ужасающего опустошения. Все минометы и снаряды были засыпаны землей. Мои люди отрывали их. Два миномета удалось приготовить к действию. Я слышал, как минометные гнезда справа, сзади нас и слева открыли затихший огонь. Впереди теперь начались вспышки слабого пехотного огня. Тут я услышал шум моторов приближающихся танков, с которыми нам пришлось иметь дело впервые. Отходивших людей 11-й роты я радостно принял на свои позиции как усиление. Один начальник миномета кричал мне, что справа показался один танк. И действительно одна огромная тень еле заметная в густом тумане, прошла мимо нас и исчезла через несколько минут из нашего поля зрения.

Все наше внимание было теперь устремлено вперед, откуда должен появиться противник. В тумане там и сям показывались его плоские стальные шлемы, однако все же он держался на почтительном расстоянии. Вскоре за этим наши позиции были внезапно атакованы слева, с тыла и с фронта. Мы были обойдены в тумане. В последовавшей схватке ручными гранатами большая часть моих людей была убита и ранена.

Командиру левого батальона первой линии ротмистру Крис в 6. 30 пришел посыльный от 7-й роты с донесением о том, что противник находится в тылу этой роты. Через полчаса перед 15 штыками, открывавшими командный пункт, показались первые австралийские части, которые были огнем остановлены до момента, пока и здесь охват справа и слева с тыла не сделался чувствительным. Ротмистру Крис в последний момент удалось с несколькими своими людьми отойти на Марселькав. В 7. 20 противник полностью достиг своей первой цели.

Южнее железной дороги последовала атака канадцев, которые лишь несколько часов были выдвинуты на свою передовую линию. Когда французы открыли артиллерийский огонь для поддержки операции на правом фланге 148-го пехполка, они осмотрительно отошли назад, чтобы не дать пленных. Итак ударные части 148-го полка нашли передовые окопы пустыми и вернулись обратно, не выяснив того важного факта, что перед ними находились канадцы. Неприятельская артиллерия во время этой операции вообще не дала почти ни одного выстрела. Близкое охранение было сразу же подавлено последовавшей непосредственно за ураганным огнем атакой. Командир переднего батальона майор Вюрц пишет:

«Около 6.00 возле меня появился один человек¹ из передовой линии. Вначале было совершенно невозможно с ним разговаривать. Затем он доложил, что первые неприятельские атаки были отбиты. Лишь появившимися с фронта и левого фланга танками пулеметы и роты были рассеяны. Примерно через полчаса в наши окопы пришел командир 6-й роты лейтенант Пфейфер, вначале также совершенно изнуренный, не будучи в состоянии отвечать. Его первые слова были: «Пулеметное гнездо «Гизела»² уничтожено». И он также доложил, что первые атаки без танков были отбиты. Лишь благодаря танкам противнику удалось прорваться».

Альтернатива II батальона 148-го полка лейтенант Кловекорн, отзываясь о майоре Вюрц как о «наиболее рассудительном, хладнокровном и решительном человеке, которого мне приходилось в течение всей войны видеть и соответственно оценить», сообщает:

Командир батальона лежал на пшеничном поле в лисьей норе глубиной примерно 1½ м. Связью вперед и назад являлась так называемая эстафета, которая проходила через пшеничное поле и следовательно совсем не была защищена от огня. Телефонная связь, проходившая по этой пшеничной норе, была проложена прямо по земле и конечно была тотчас же порвана, так что командир батальона после начала ураганного огня уже не поддерживал телефонной связи ни вперед к какой-либо роте или к пулеметному пункту, ни назад к командному пункту командира полка. Поэтому командир батальона пребывал в полной неясности об обстановке рано утром 8 августа и руководствовался донесениями, которые ему сообщили несколько дезертировавших, остановленных мною с револьвером в руке.

Вначале мы предполагали, что англичане ведут оборонительный огонь в ответ на наше предприятие «Эрнте». Правда, сила огня заставила нас задуматься. Я вспоминаю, какое жалкое впечатление производила наша артиллерийская подготовка против огня англичан. Тогда командир батальона сказал своему командиру: «Чорт побери, они умеют лучше нас». Когда командир батальона увидел огневой вал, который вначале лежал на передовой линии, приблизился к нему, остановился на нем и через 10 минут стал через нас ползти дальше в лежащую местность, я понял, что англичане идут в атаку, и приказал своим людям моего штаба выйти из убежища и, вооружившись винтовками

вероятно из левофланговой 8-й роты 148-го полка.

Находилось в нескольких стах метрах севернее переднего батальона.

и ручными гранатами, занять окопчики, которые мы заблаговременно в случай атаки успели вырыть параллельно фронту. В этой обстановке я хватил двух человек, шедших с передовой линии (если я не ошибаюсь, один 5-й роты и один 6-й роты), и они мне донесли, что англичане атакуют танками и крупными силами и что передовая линия прорвана и большая часть людей уничтожена. Я приказал людям занять одиночные окопы, образовав позицию фронтом к противнику, будучи твердо уверен, что мне удастся найти остатки частей с передовой линии и образовать новую линию обороны. Почти через $\frac{1}{4}$ часа из густого тумана справа подскочил ко мне один человек и донес, что пулеметное гнездо «Гизель» находившееся в непосредственной близости от нас на дороге Марселькав — Виллер-Бретонне, только что уничтожено переехавшим через него танком. Несмотря на сильный шум боя я также смог услышать на дороге грохот гусениц, который затих в направлении на Марселькав. Что нам оставалось делать? Остаться ли нам с 10 человеками на нашем месте? Так как с фронта больше никто не приходил, мы ничего не могли видеть и кроме того вначале перед нами не было противника, то мы решили отойти к селению Марселькав и совместно с находившейся там 2-й ротой 148-го полка занять новую позицию на западной окраине селения, удерживая его против наступавших англичан. Это видимо было около 7.30.

Итак мы широкой линией, вооруженные винтовками и ручными гранатами подходили к Марселькаву и были немало удивлены, когда, подойдя к большой дороге, идущей с севера через железную дорогу на юго-западный угол Марселькава, должны были установить, что наш собственный артиллерийский огонь средних калибров уже велся по западной окраине Марселькава. Мы повернули к югу и вышли на юго-западный угол, в деревню водонапорной башни. Я пошел с несколькими людьми по дороге в деревню, чтобы найти штаб полка, однако тут же неподалеку от церкви по мне был открыт с севера, с направления сахарной фабрики, на близкой дистанции английский пехотный огонь. Мы скрылись с дороги и поспешно через сады на восточную окраину селения, пройдя по пути мимо брошенной батареи и перевязочного пункта. Когда я объяснил врачу, что англичане находятся уже в селении, он приложил руку к козырьку и сказал: «Я остаюсь с моими ранеными». Искать наш ударный батальон или 2-ю роту было уже бесполезно. После того как я со стороны расположения ударного батальона был уже обстрелян англичанами пехотным огнем и наших частей никто не видел, я должен был предположить, что последние уже разбиты, к тому же и батарея также была брошена прислугой. Мы пошли дальше через деревню, и здесь почти в 50 шагах восточнее окраины селения в снарядной воронке я нашел моего командира майора Вюрца с остатками штаба. Мы решили подождать здесь еще наших частей. Перед нами недалеко разбались отдельные английские гранаты, среди них также фосфорные, от которых загоралась почва. Вскоре из деревни вышла широкая стрелковая цепь. В конце, думаю я, наша 2-я рота. Я вышел на край снарядной воронки и стал подавать им обеими руками знаки, подзывая подойти к нам и образовать новую линию обороны. Стрелковая цепь остановилась и стала ждать нас. Я кричал им: «Вы сошли с ума, ведь нам на опушке селения ничего не будет видно, идите сюда». Тут мой верный спутник, присланный 5-й роты за приказанием, ефрейтор Мейер, который в течение всего не отходил от меня ни на шаг, крикнул: «Г. лейтенант, это англичане». В этот самый момент один английский офицер направил в меня пистолет. На прощанье я швырнул в него ручную гранату и сразу же бросился назад через совершенно открытое клеверное поле, насколько хватило сил. Мы, 7—8 человек, без пулемета уже ничего не могли здесь больше сделать и должны были бы быть расстреляны поодиночке. С другой стороны, мы не хотели так просто сдаться в плен. Правда, этот бег через открытое клеверное поле на расстоянии 50 м от противника представлялся мне безумным. Пули английских винтовок и пулеметов стучали по земле у наших ног, и все-таки из нас был убит всего лишь один человек. Мы с остальными людьми отошли дальше назад и снова остановились у позиции одной батареи южнее леса Пиррет¹. Повидимому англичане были там

¹ 8-я батарея 27-го полка легкой артиллерии, принадлежавшая 117-й дивизии.

иннованы, как и мы, и не могли прицеливаться. Это было около 8.00. Здесь я остался с остатками моих людей (около 3 человек). Моего командира и несколько человек я при отходе потерял из виду. На батарее вышел также полкового адъютанта лейтенанта Луттер и лейтенанта Шнейдер, который тогда, я полагаю, был начальником связи на командном пункте полка. Я был рад, что наконец — наш рубеж, на котором можно задержаться с перспективой на сколько-нибудь успешное сопротивление. Сначала мы оказались полезными тем, что тащили с опушки леса снаряды на батарею, чтобы дать орудиям достаточно пищи. Снаряд за снарядом вылетал из ствола. Между прочим это была та батарея, которая обстреливала западную окраину Марселькав, когда мы отходили спереди, огонь которой лейтенант Луттер, принимая во внимание то, что англичане ворвались в Марселькав, направил на это селение. Когда мы развили более сильный огонь, внезапно на полдороге между Марселькав и лесом Шаррет появились 2 больших английских танка и направились прямо на нас. Командир батареи приказал выкатить орудия из укрытий и открыть прямой огонь. Мы схватились за спицы, и сразу же первые снаряды полетели танкам навстречу. Однако еще прежде чем мы открыли огонь, они укрылись в одну балку недалеко от нас, в которой мы хотя и не могли уже достать, но из которой они уже больше не появились. Батарея без особой цели продолжала стрелять по Марселькав, наславая снаряды один за другим. Между тем по нам открылся огонь одной английской пушечной батареи, а над нами загудело несколько английских самолетов. С треском разрывались английские брзантные снаряды, и, шипя, сверху летели воздушные бомбы. В это время командир батареи был тяжело ранен, одно орудие попавшим в него снарядом было выведено из строя, часть обороняющихся артиллеристов, пехотинцев различных полков и сапер была ранена и убита. Я сам одной разорвавшейся подле меня гранатой был опрокинут на землю и хотя и остался не раненым, но оглох на одно ухо, отчетливо я оправился лишь через 4 с лишним недели. Несмотря на все это, позиция была удержана.

Между тем английская пехота следовала за ними по пятам, и мы (лейтенант Луттер, Шнейдер и я), стоя открыто между орудиями, стреляли по более близко к нам лежавшим англичанам. Из Марселькав на дорогу, которая шла на юго-восток параллельно железной дороге, уже выходили английские колонны. Это были благодарные цели для стоявших на вспомогательных лафетах станковых пулеметов батареи, из которых один обслуживал лейтенант Шнейдер, а другой я; мы направили сосредоточенно наш огонь на колонны англичан.

Теперь я приблизительно представил себе, что понимает Стрелковый устав под «огнем по выгодным целям». Результаты огня во всяком случае не были видны, так как колонны тотчас же укрылись в придорожных канавах. Между тем уже было 10.00, а о помощи с тыла ничего не было слышно. Мы имели значительные потери и видели, что наш правый фланг все больше сдвигается. В последний и решительный момент мы снова попытались избежать пленения. Наводчики вынули из орудий замки, и мы широкой стрелковой цепью начали отходить назад. наших тяжело раненых мы к сожалению вынуждены были оставить у орудий. Справа возле нас стояло еще 2 тяжелых орудия¹, которые стреляли почти до 10.00. Когда мы, подойдя к опушке леса, я увидел их толстые пестро камуфлированные стволы, направленные в небо, и в тот же момент они взорвались так сильно, что осколки просвистели мимо наших ушей. Это артиллеристы перед отходом взорвали их.

Лишь теперь собственно для нас начался настоящий пехотный бой, возникли дальнейшие большие трудности. Мы, около 50 человек пехотинцев различных полков, артиллеристов и сапер, широкой и редкой стрелковой цепью начали отходить назад. наших тяжело раненых мы стреляли на противоположный скат. Среди нас разрывались английские снаряды, над нами английские летчики проделывали отчаянные трюки, летая так низко, что нам иногда казалось, что они на нас прямо идут. При этом эти подлецы обстреливали нас с тыла из своих пулеметов и забрасывали бомбами, не нанося нам однако большого вреда.

Сзади нас к нам бежала английская пехота, правда, весьма нерешительно, так как в противном случае мы не могли бы и думать о выходе из этого заколдованного круга. Несмотря на это мы перешли через овраг и поднялись на высоты. Луттер, Шнейдер и я разделили между собой командование 50 человеками и на свой риск продолжали вести отступательный бой. Так мы, медленно отходя, с боем к вечеру вышли на линию Гарбоньер, где влились в уже развернутый там фронт отдыхавшего батальона.

Командиру ударного батальона капитану Мейснеру пришлось 3 раза попасть в плен и всякий раз быть ограбленным. Он на своем командном пункте в Марселькав в 6.15 был обстрелян сильнейшим огнем, который сильно разрушил его убежище: два выхода из него были разбиты, а третий и последний башками и досками был сделан почти непроходимым. В его воспоминаниях говорится:

«Когда около 7.30 огонь ослаб, стоявший у выхода из убежища пост донес, что мимо пробежали люди с криком: «Томми в селении!». Я хотел отправиться с моими людьми к штабу полка. Однако выход из убежища шел довольно медленно. С обоими офицерами моего штаба я расположился в одной воронке между домами против конца дороги, идущей от Виллер-Бретонне, чтобы собрать отходивших людей и занять западную окраину селения. Приказ об этом я еще ранее послал во 2-ю роту. Однако никто больше назад не отходил. Внезапно по нам открылся сильный огонь нашей артиллерии. Мы выскочили из него и отбежали около 100 м назад, расположившись в воронках от снарядов. Тогда вдруг в нашем тылу раздался шум боя. Пулеметы и винтовки стреляли прямо возле нас. Отступив назад, я увидел примерно в 150 м движение в тумане нескольких танков, за которыми в стороне шли атакующие части. Кроме того в 200 м слева от нас я разглядел ряд двигавшихся вперед танков. Таким образом видимо Марселькав был обойден танками и атакующими частями, и мы должны были отойти в направлении на лес Пиррет. Скачками, наскоками позволяли легкие, мы побежали назад. Однако неприятельские атакующие части и танки, нами в тумане не замеченные, уже проследовали дальше. Заметив нас благодаря моим нескольким выстрелам и нашему бегу назад, одна атакующая часть преградила нам дорогу. Рассыпавшись, она начала продвигаться к нам. Сопотивление было бы безумием. Мы находились около 500 м восточнее Марселькав, было 8.00. Противник забрался к в огромную снарядную воронку, потому что как раз тогда одна германская батарея открыла меткий огонь через наши головы. Когда огонь прекратился, подошел один канадский офицер и приказал нам самим отправиться в падном направлении.

Скрывшись от наблюдения, мы залегли в одну снарядную воронку и держали военный совет, не удастся ли нам еще пожалуй как-нибудь прорваться. Однако из Марселькав уже показалась следующая неприятельская атакующая часть и еще раз взяла нас в плен. Теперь я хотел разбить наш командный пункт, чтобы скрыться в нем, однако за это время последний вход в убежище был разрушен. Беспомощно стояли мы на дороге. Но вот из-за ближайшего угла дороги выехал танк, направил в нас пулемет, и сопровождавшая его часть взяла нас третий раз в плен.

Из этих записок видно, что наши потери на передовых позициях тоже были довольно значительны. При быстром продвижении огня вала эти потери не могли быть вызваны лишь неприятельской артиллерией; на нескольких участках фронта должны были иметь место жестокие схватки. Если в сообщениях нет указания, о потерях на той или иной стороне, то повидимому потому, что противник своих убитых и раненых успевал за это время убирать. Шесть стоявших вокруг Марселькав батарей при быстром продвижении австралийцев и канадцев не могли оказать никакого существенного влияния, и это было очевидно; ведь и они не имели никаких данных о том, началась ли

атака и как далеко продвинулись атакующие части. Несмотря на то что они сделали все, что могли, и вели огонь до последнего момента, пока прислуга и орудия еще были боеспособны, однако все они были захвачены надвигающейся атакующей волной и большей частью попали в руки к противнику. Из штаба II дивизиона и 2-й, 3-й и 7-й батарей 79-го полка легкой артиллерии, а также из 5-й батареи 15-го полка тяжелой артиллерии вернулись назад лишь 1 офицер и 2 унтер-офицера. В 5-й и 4-й батареях 79-го полка легкой артиллерии к концу осталось пригодными к действию всего лишь по одному орудью, которые вели огонь, пока противник не приблизился на 200 м; тогда остатки прислуги отошли за запасную тыловую позицию батареи. Стоявшая в лесу Пиррет и вокруг него артиллерия, частично принадлежавшая соседней слева дивизии, могла еще 2 часа вести огонь, так как она стояла восточнее первой цели атаки противника. Так как однако до возобновления наступления противника своя пехота не подходила, то и эта артиллерия, в большинстве сопротивляясь до последнего момента, была потеряна. Около 10.00 противник захватил и 7-ю 15-см батарею.

148-й полк был атакован 4-й канадской бригадой, имевшей в своем распоряжении 28 танков. Относительно этого боя Монгомери говорит следующее:

«Около 1000 ярдов восточнее исходной позиции XIX батальон наткнулся на значительное сопротивление, которое сразу же благодаря своевременной помощи танков было сломлено. Тогда же после 7.00 XIX и XXI батальоны, из коих части последнего охватили селение с севера, ворвались на северную и западную окраины Марселькав. В южной части загорелся горячий бой (стр. 115), однако пехоте при поддержке танков к 7.45 удалось полностью овладеть Марселькав. Между тем туман рассеялся; теперь неприятельская пехота и противотанковая артиллерия, стоявшая восточнее селения, повела с открытых позиций сильный огонь по нашим танкам. К несчастью этим огнем были нанесены тяжелые потери танкам и их экипажу. Чтобы это компенсировать, 5-я канадская артбригада и II батальон канадского пулеметного корпуса поддерживали атаку настолько успешно, что XIX и XXI батальоны к 7.55 уже смогли достичь своей цели. Немного позднее XVIII батальон занял западный берег балки Блиндарм».

После того как 4-я канадская бригада была для дальнейшего наступления к второй цели сменена 5-й бригадой, последняя начала движение в 9.20.

Она встретила слабое сопротивление со стороны неприятельской пехоты, однако упорная оборона была проявлена пулеметами. Большое число пулеметов стояло в укрытиях, и пехоте и танкам нужно было их один за другим подавлять, так как они нашей артиллерией недостаточно наблюдались, для того чтобы их с успехом уничтожить. С другой стороны артиллерии было более важно вести поддерживающий огонь по лесу Пиррет, где наше продвижение было на значительное время задержано пулеметными гнездами. После противник отошел из леса на Винкур» (Монгомери, стр. 37).

После того как все батальоны первой линии и все ударные батальоны I пехдивизии, равно как и вся артиллерия, почти без остатка были жертвой неприятельской атаки, в резерве еще оставались лишь 2 пехотных и 3 пульроты 152-го, 18-го и 148-го полков, кроме того резервный батальон 43-й рез. пехдивизии (I батальон 201-го рез. полка — 2 пульроты, стоявшей в юраге Ромер вплотную с юга¹ у Римской

На карте 2 этот батальон показан севернее дороги, в тексте или на карте у автора ошибка. (Прим. перев.).

дороги) и следовавшая на позиции 1-я рота 26-го сапбатальона. Хотя 1 батальон 201-го рез. полка был слишком слабый и утомленный, но все же эти части по совокупности давали состав пехполка, который при объединенном вводе в дело мог задержать противника на длительное время. Правда для этого ему нужна была поддержка артиллерии. Последней однако не было, так как единственные спасшиеся 3 орудия 1-й батареи 79-го полка легкой артиллерии расстреляли без остатка все свои снаряды и были отправлены в Розьер для пополнения боеприпасами. Но и пехотные резервы не были объединенно введены в дело.

Вначале в дивизии создалось впечатление, что главная опасность лежит на участке 148-го полка, так как от обоих других полков никаких сведений не поступало. От командира же 148-го полка напротив поступило пересланное почтовым голубем донесение о том, что противник прорвался на его участке через передний край. В этом же донесении была просьба выслать поддержку на Байонвиллер. Так как резерв 148-го полка находился дальше всех, на Байонвиллер сначала был направлен отдыхавший батальон 152-го полка, а на его прежнее место была подтянута половина 1 батальона 148-го полка.

II батальон 152-го полка (без 4-й роты) по пути в Байонвиллер попал под артиллерийский огонь, который противник вел по командному пункту бригады у Гусаренгоф, а также по пересечению Римской дороги с оврагами Ромер, и благодаря этому был задержан. Командир батальона капитан Вебер сообщает:

«С той стороны оврага к нам уже начали подходить люди, сначала одиночные, затем группами, из 15-го и 13-го полков, в беспорядке и в большинстве без оружия. Они сообщили, что их позиция уничтожена и все что на ней было, уже захвачено в плен или убито и что противник атаковал танками. Так как среди отходивших людей из нашей дивизии было, можно было полагать, что наши батальоны еще держатся. Поэтому я решил двигаться дальше к стыку 13-й и 41-й пехдивизий. 74-я бригада с моим соответствующим докладом согласилась (в 8.45).

Вскоре после выступления показались отходившие люди из нашей дивизии, вся позиция потеряна, артиллерия попала в плен. Теперь я хотел броситься на наши передовые позиции для спасения всего, что еще можно было спасти. Но тут внезапно раздался крик: «Танки!». На расстоянии около 300 м из тумана вынырнули чудовища и начали ползти к нам. По ним немедленно был открыт сильнейший ружейный и пулеметный огонь, но безуспешно. Мой адъютант сказал мне, что в бинокль можно ясно видеть, как пули ударяются о стенки танка. Против правого фланга двигалось 3 танка, они еще были далеко. Когда первые подошли почти на 50 м и показали свою неуязвимость, я приказал отойти на восточный край оврага. Это было сделать не легко, так как под бешеным огнем танковых пулеметов и орудий люди естественно начали бежать. Чтобы быть первыми на месте и приостановить дальнейшее движение назад, офицеры должны были также сказать, что солдатами было неверно истолковано. К тому же при перемещении через овраг неприятельские самолеты сбрасывали фосфорные бомбы, которые действовали больше деморализующе и не причиняли нам особенного вреда. Несмотря на все это, батальон на указанной ему позиции был оставлен. Осталось также время для приведения части в порядок и для расположения в имевшемся здесь окопе. Батальон стоял на южной стороне дороги, 2 роты одной ударной дивизии², внезапно обнаружившиеся, заняли позиции. Кроме того, так же как и остатки 4-й роты 152-го полка.

Теперь противник снова перешел в атаку. Вплотную возле меня на дороге выехало одно зенитное орудие на автомобиле. Мы видели, как люди

¹ Среди них была также главная часть 4-й роты 152-го полка

² 1 батальон 201-го рез. пехполка.

...ивали свой дальномер, и мы слышали, как офицер с полным спокой-
ствием отдавал распоряжения; вскоре из одного танка вспыхнуло пламя,
и след за тем в удивительно короткое время овраг покрылся дымом,
и нельзя было понять — откуда. Перед нами поднялась абсолютно непро-
ходимая для глаза стена. Под ее защитой противник продолжал свою
атаку; прошло немного времени, и из дыма стали выползать танки.

Передние танки подошли на расстояние в 20—30 м. Теперь нельзя было
больше держаться. Батальон ввиду невозможности успешно бороться против
танков распался. Он буквально разбежался».

Вместе с батальоном Вебера участвовали в бою 1-я рота XXVI сап-
батальона, затем I батальон 201-го рез. полка и наконец также половина
I батальона 18-го полка. Саперы, следуя на позицию, попали в овраге
Ромер под ураганный неприятельский огонь. Так как командир сапроты
лейтенант Патген предположил, что скоро начнется атака, и поэтому
ему казалось вряд ли возможным сменить согласно полученному при-
казу работавшую на фронте 2-ю роту XXVI саперного батальона, он
остался в овраге Ромер и затем вошел в подчинение капитану Веберу.
«Эти саперы вели себя тогда очень храбро», — говорит капитан Вебер.
Лейтенант Патген сообщает:

«Едва мы успели расположиться севернее дороги для обороны, как через
нас прошел огневой вал и показался ряд танков, по которым пущены и
они саперы открыли сильный огонь. Я мог отчетливо видеть, как снап пуль
ударялся о танки, но они упорно продолжали дальше ползти по направлению
к нам. Тут мы заметили справа от нас, где не было никакой связи с 13-й
дивизией, несколько танков, которые уже зашли на несколько сот метров нам
в тыл и позади нас запылали овраг Ромер, чтобы нас ютрезать. Тогда мы
перешли на новую линию обороны позади оврага Ромер. При этом вся часть
была разрознена и большая часть людей рассеялась во все стороны. Мне
совместно с одним пулеметным офицером удалось задержать недалеко от
Гусаренгоф 2 пулемета 152-го и 201-го рез. полков и открыть из них огонь.
Густые стрелковые цепи медленно продвигались за танками. Танки подходили
все ближе; когда передний из них вместе с одним броневым автомобилем подошли
на расстояние 30 м, зенитное орудие, которое до сего времени вело с дороги
сильный огонь, спешно ушло в восточном направлении».

Здесь речь идет об орудии XXIX зенитного взвода. Оно вывело из
строю по крайней мере 3 танка и наверное еще несколько автомобилей,
причем расстреляло все свои снаряды. Командир был ранен.

Ударный I батальон 201-го рез. полка был вначале введен в дело
74-й пехбригадой севернее Римской дороги, так как с участка 13-й
пехдивизии поступали угрожающие сведения. Однако же при разверты-
вании 1-я, 2-я и 4-я роты наткнулись на подходившие танки, перед
которыми они вместе с батальоном Вебера отошли на восточный край
оврага Ромер. Открытый ими отсюда огонь — 3-я рота была здесь
также введена в дело — вызвал чувствительные потери в рядах пехоты
противника, но против танков и они были бесполезны. Все же части
2-й и 4-й рот удержались до рукопашной схватки.

«Когда были выпущены последние патроны, они оборонялись штыками и
лопатами. Все, кто из них не был убит, были захвачены в плен» (доклад
командира I батальона 201-го рез. полка капитана Кюлейн).

До расположенного также лагерем в овраге непосредственно южнее
Римской дороги полубатальона I батальона 18-го полка приказ, которым
полубатальон подчинялся капитану Веберу, видимо не дошел. Он был
выдвинут на позицию лишь командиром II батальона 18-го полка

ротмистром Крис, который, командуя южным батальоном в первом эшелоне полка, отходил через Байонвиллер. В его донесении говорится:

«Мои поиски 2-й, 3-й и 1-й пульрот 18-го полка вначале были тщетны. Я приказал вывести из лагеря обоз. Овраг Ромер уже находился под очень сильным артиллерийским огнем. Во время отъезда повозок отдыхавшие роты выскочили из имевшихся в овраге убежищ, где они искали защиту от артиллерийского огня, и устремились на высокий скат восточнее оврага. Я приказал занять там фронт. При этом появились также люди одного батальона из 201-го рез. полка и части одной роты 152-го полка. Во время занятия этой позиции на другой стороне оврага показались танки и бронеавтомобили в одну линию на интервале в 50 шагов. Пулеметы открыли огонь по последним, а стрелки — по следовавшей за ними австралийской пехоте. Одна противотанковая пушка подбила 3 танка. Тогда многочисленные самолеты бросили в овраг дымовые бомбы. Оказавшись благодаря этому невидимыми, танки прошли по всему оврагу и охватили наши фланги, особенно левый. Теперь из района западнее Гарбоньер выскочили еще 2 эскадрона конницы. Я отдал приказ 2-й роте 18-го полка отойти и расположиться слева уступом. Этот отход назад побудил также и 3-ю роту самовольно отойти. У самой дороги Прояр — Гарбоньер удалось однако всех снова остановить, привести в порядок и расположить на позиции. Неприятельские самолеты, обстреливавшие нас из пулеметов и забрасывавшие нас бомбами, моральное действие танков в тылу неприятельской конницы на левом фланге, отсутствие поддержки своей артиллерии, — все это так действовало на бойцов, что они при каждом предстоявшем случае пытались разбежаться... Скакавшая на нас конница была расстреляна пулеметным огнем. Но противник занял Гарбоньер и снова охватил наш левый фланг. У нас теперь огнеприпасы подходили к концу, следовательно единственная оставшаяся возможность — это выйти дальше назад. Мы заняли старый окоп за железной дорогой Прояр — Гарбоньер. Здесь командир батальона 201-го рез. полка сообщил, что у него осталось всего лишь 40 человек; в наших частях 3-я рота 18-го полка имела еще около 40 человек. 2-я рота — около 20 штыков, причем командир последней был ранен пулеметным огнем.

Вслед за этим противник прошел танками через наш правый фланг по Ринской дороге и вышел на высоту оврага севернее Гердевилл. Так как были совершенно изолированными, а конница и танки противника были в Фрамервилл, я приказал отходить на Ренекур. Там впереди селения заняли новый фронт».

Этим закончился бой на участке 41-й пехдивизии. Группы Вебер, Кюлейн и Крис держались восточнее оврага Ромер почти до 11.00. В 11.30 противник достиг своей второй цели атаки, а через полчаса третьей и последней. Что его конница и бронеавтомобили могли тогда еще дальше атаковать, является печальным указанием на то, как сильно были разбиты передовые дивизии по обеим сторонам оврага Ромер.

Английский корпус имел задачу, обойдя как можно раньше передовые пехотные части канадского и австралийского корпусов, достичь третьей цели атаки и удержать этот рубеж до подхода пехоты, с тем чтобы, следуя потом непосредственно за нею, атаковать тыловые сообщения германцев на линии Шольн—Руа. С этой целью в первом эшелоне за 5-й австралийской и 2-й канадской дивизиями следовали 1-я кавдивизия из района северо-восточнее и 3-я кавдивизия из района западнее Канн, которые вместе с пехотой около 10.15 дошли до линии Иньокур — Мелькав. 1-я кавбригада с приданными ей 16 легкими танками, составлявшая левую колонну 1-й кавдивизии, подошла тогда севернее Дорам — Амьен — Шольн вплотную к австралийской пехоте и на линии Байонвиллер — Гийокур перешла через ее передовую линию. Ее ближайшей целью был Гарбоньер, который был охвачен с севера и юга. Но она, однако при дальнейшем продвижении она у Вовиллер и южнее Гийокур.

Фрамервилль наткнулась на германское сопротивление. Части 1-й бригады остались лежать на фронте перед Вовиллер, в то время как несколько эскадронов 5-го гвардейского драгунского полка обошли севернее и даже могли атаковать Фрамервилль. С ними следовательно и имела дело группа Криса. Огнем из Фрамервилль гвардейские драгуны были однако остановлены.

С приближением противника к Байонвиллер действовавшие здесь штабы 152-го и 18-го полков отошли через южный конец оврага Ромер на Фрамервилль. Адьютант 18-го пехполка поручик Шредер сообщает:

«На железной дороге западнее Фрамервилль мы собрали отдельных оставших бойцов. На линии смело стояло одно железнодорожное орудие. Командир орудия не слушал ни моего благоразумного совета, ни совета одного артиллерийского офицера для связи из штаба 152-го полка. Он выпустил 3—4 снаряды по местности и лишь тогда попытался отъехать. Тут 2 самолета обнаружили поезд. После двухкратной безуспешной атаки попавшие бомбы разорвались в вагон со снарядами как раз начавшего уже отходить поезда в куски. Непосредственно вслед за этим оба штаба полков с немногими собранными людьми отошли на Фрамервилль. Как только мы подошли к западной окраине, в селении и в отходивших несколько южнее батареях, обозах и пр. внезапно возникла дикая паника. На селение шло в атаку по Римской дороге большое число легких бронеавтомобилей, а с юго-запада — конница. Одновременно над деревней появились 80—90 неприятельских самолетов на высоте не более 100 м, которые своими бомбами и пулеметным огнем еще более увеличили панику в селении. Нег ничего удивительного в том, что некоторые испытанные на фронте офицеры и бойцы присоединились к этому паническому бегству оставших в Фрамервилле хозяйственных рот, колонн, обозов и автомобилей. С офицерами штаба 152-го полка мы схватили один пулемет и несколько оставших кругом в огромном количестве винтовок, заняли юго-западную окраину деревни и открыли огонь по скакавшей на нас коннице. Потеряв несколько всадников, конница повернула назад. Между тем, как бы чудом и бронеавтомобили повернули назад по Римской дороге».

Бронеавтомобилям удалась значительная атака. XVII броневой батальон (12 машин) на большой дороге восточнее оврага Ромер обогнал передовую линию австралийской пехоты.

После достижения фабрики Флак¹ бронеавтомобили своим огнем по долине западнее Фукокур нанесли противнику тяжелые потери. Дорога была здесь быстро закупорена движением неприятельских повозок; ездовые под впечатлением бронеавтомобилей потеряли управление своими запряжками, много повозок наехало друг на друга и перевернулось. Тогда бронеавтомобили свернули на Прояр и Фрамервилль. В последнем было уничтожено большое количество неприятельских частей, много транспортных средств и германский поезд был приведен в полный беспорядок (Монгомери, стр. 42).

Повернувшие на Прояр бронеавтомобили перешли через железную дорогу севернее его. Их появление принудило также и 9-ю батарею 15-го полка легкой артиллерии сняться с позиции (см. стр. 89). Здесь также они попали под сосредоточенный огонь 7 пулеметов отъехавшей группы (1-й) 22-го отд. пулеметного дивизиона (13-й пехдивизии), которая раз, выйдя из района расположения южнее Фруасси, достигла леса севернее Шюйньоль (около 12.00). Поэтому бронеавтомобили повернули и отошли без потерь назад. Все же они могли и в первые часы после дня без труда пройти между Прояр и Фрамервилль, так как здесь

На перекрестке дорог южнее Прояр.

не показывалось германских частей и не упал почти ни один снаряд германской артиллерии.

В описанных выше боях последний резерв дивизии, половина I батальона 148-го полка, не участвовал. Когда обнаружилось, что приказание батальону Вебера отходить на Байонвиллер уже невозможно выполнить, 74-я бригада направила туда половину I батальона 148-го полка. При прохождении с запада мимо Гарбоньер последний очень скоро попал под артиллерийский огонь противника. Вследствие этого и под влиянием многочисленных атак неприятельских самолетов 3-я рота, наступавшая в конце расчлененного полубатальона, потеряла связь и была позднее втянута в бой южнее железной дороги (см. стр. 144). Таким образом у командира батальона майора Пихта остались лишь 1-я пехотная и 1-я пульрота. С этими последними он успел еще дойти до района восточнее Гийокур, когда он обнаружил около 10.45 сильную неприятельскую конницу в движении между Байонвиллер и Винкур и вслед затем 7 танков в движении от Гийокур на север. По обоим целям пульрота открыла огонь, в результате которого конница остановилась, в то время как танки свернули сначала на Гарбоньер, а затем против группы Пихта. И здесь было совершенно ясно обнаружено, что пулеметы ничего не могут сделать танкам. Майор Пихт сразу не понял, что его слабые части самостоятельно не смогут долго удержаться и приказал отходить левым флангом вдоль железной дороги. Хотя вскоре было обнаружено движение подкрепления из района восточнее Гарбоньер прямо на юго-восток (см. стр. 144), все же обе роты вынуждены были перед охватившими их справа танками и сильно испугавшей с фронта конницей постепенно отходить дальше после многократных остановок для оказания сопротивления. К более упорному сопротивлению роты уже здесь не переходили, после того как танки появились также и южнее дороги, а неприятельские воздушные атаки и артиллерийский огонь из района южнее Байонвиллер нанесли частям 148-го полка большие потери (см. стр. 144).

Так общая обстановка на германской стороне с 13.30 между Соммой и левым флангом 41-й пехдивизии (теперь в районе Фрамервиль) сделалась прямо катастрофической. Между Мерикур и лесом северо-восточнее выс. 84 возникла лишь тонкая стрелковая линия, которая имела поддержку только со стороны слабой части, занимавшей гору Георг. Позади стояли лишь 4 легких батареи. От района северо-западнее Прояр до самой группы Криса больше вообще не было никакой пехоты. Несколько тяжелых батарей стали на позиции севернее Шюйньоль, а также около и восточнее Шюйнь (см. стр. 112), несколько легких батарей в это время совершало марш с северного берега Соммы в направлении на Прояр (см. стр. 58), а у Фукокур стоял один легкий артиллерийский полк (см. стр. 109). При энергичном продолжении наступления по обеим сторонам Римской дороги противник мог бы пройти еще далеко на восток, не встречая германских резервов. Несмотря на все, было несчастьем, что у неприятельского командования нехватило решимости использовать благоприятную обстановку. Оно по всей вероятности оценило фланговую угрозу с северного берега Соммы, а также считалось и с возможностью непосредственного введения в дело германских резервов. В действительности это случилось лишь гораздо позднее.

4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОГО ФРОНТА В РАЙОНЕ XI АРМЕЙСКОГО КОРПУСА

Карты 1 и 2

Командование XI арм. корпусом уже в первые утренние часы имело полную ясность о всей серьезности обстановки. Однако быстрой и достаточной сильной поддержки оно не могло послать своим передовым дивизиям, так как из единственного резервного соединения (43-я рез. дивизия) значительные части пехоты и артиллерии¹ еще не были смещены, прочие части были преждевременно и разрозненно введены в дело², таким образом налицо имелся лишь остаток в 4 1/2 батальона без артиллерии. Из них 6-я, 2-я пулеметная и 9-я роты 201-го рез. полка после утомительного ночного марша с передовой позиции только что подошли к Фонтен-ле-Каппи, III батальон 203-го рез. полка такого же марша подошел к Галь. В то же время уже с предыдущего дня II батальон 202-го рез. полка (без пульрот) находился восточнее Каппи, III батальон того же полка — южнее Каппи и I батальон 203-го рез. полка — в Радегонд (возле Перрон). Прежде чем эти выдохшиеся в боях, сильно разрозненные и частично утомленные ночным маршем части были направлены к фронту, в дело вмешалась армия. Она уже около 6.00 подняла по тревоге находившуюся у нее в резерве 107-ю пехдивизию и вскоре после этого решила перебросить ее на грузовых автомобилях к Фукокур, чтобы образовать противнику заслон в направлении важнейшей Римской дороги.

Трудность однако заключалась в том, что артиллерия этой дивизии за исключением 3 легких батарей находилась еще в действии в 27-й пехдивизии, т. е. на прежнем участке 107-й дивизии. (213-й полк легкой артиллерии без I дивизиона и I дивизион 6-го баварского полка тяжелой артиллерии.) Поэтому находившийся также в арм. резерве в районе Эстре — Шольн — Виллер — Карбонель 221-й армейский полк легкой артиллерии был тоже подтянут к Фукокур.

Когда затем было выяснено, что атака противника на севере была проведена не дальше, чем до района севернее Морланкур, армия в 7.30 направила также и свою ударную 243-ю пехдивизию в район LIV корпуса в направлении на Бре и Сюзан, вначале с намерением использовать ее по обеим сторонам Соммы. И эта дивизия имела при себе лишь 3 легких батареи, так как главная масса ее артиллерии была также в действии на участке 27-й пехдивизии. (238-й полк легкой артиллерии без I дивизиона и I дивизион 36-го полка тяжелой артиллерии.) Кроме того 2-я армия от соседней справа армии попросила еще поддержку, которая также была прислана: из 26-й рез. дивизии (ударная дивизия корпусного участка, примыкавшего с севера к 2-й армии) были отправлены на Каппи 119-й рез. пехполк на грузовиках и I дивизион 26-го рез. полка легкой артиллерии.

¹ Штабы 201-го и 202-го рез. полков, 6-я рота и 1-я пульрота 201-го рез. полка у Селли-Лорет, 43-й рез. полк легкой артиллерии (без 4-й, 6-й и 9-й батарей) и I дивизион 16-го полка тяжелой артиллерии.

² I батальон 202-го рез. полка на горе Канал и в Мерикур, 1-я пульрота 201-го рез. полка и 2-я пульрота 202-го рез. полка юго-восточнее Серизи, II батальон 201-го рез. полка (без пульроты) в овраге Ромер, II батальон 203-го рез. полка западнее Прояр, 4-я, 6-я и 9-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии на горе Георга.

Обе дивизии за исключением 479-го пехполка, оставшегося в 27-й пехдивизии (см. стр. 67), были подчинены XI арм. корпусу. Когда последний выяснил, что главная опасность возникла южнее Соммы, он в 11.10 приказал:

«478-му пехполку, 122-му фузильерному полку (Сюзан), 119-му рез. пехполку и 2¹ артдивизионам (Каппи) следовать в указанные районы и поступить в распоряжение XI арм. корпуса. Марш под общей командой штаба 108-й пехдивизии².

108-й пех. дивизии удерживать этими силами участок Морикур — перекресток Римской дороги с дорогой Прояр — Гарбоньер. Один полк послать на Шюйнь в распоряжение командования корпуса.

По последним данным Морикур удерживается 13-й дивизией; по полученным донесениям — неприятельские танки восточнее Байонвиллер.

Находящиеся между Морикур и Римской дорогой части поступают в подчинение 108-й дивизии, которой для этого установить связи с 13-й и 41-й пехдивизиями».

Этот приказ дал слишком благоприятный расчет относительно времени прибытия отдельных полков. В действительности 478-й пехполк — однако без II батальона, который только рано утром вышел из окопов и поэтому позже возвратился, — лишь в 13.45 выступил из района севернее Сюзан на Прояр. Ему на усиление вместо отсутствовавшего II батальона был послан I батальон 122-го полка. 122-й фузильерный полк (без I батальона) смог лишь в 15.30 выступить из Сюзан на Шюйнь.

Весьма неутешительную картину встретили головы обеих колонн севернее и южнее Соммы: под действием неприятельского дальнего огня и сильных воздушных атак обозы и колонны, сломя голову, бежали в беспорядке на восток, местами в дикой скачке мчались отдельные запряжки, оставившие на месте свои повозки. Однако, поскольку они увидели свежие и в хорошем порядке, частично даже с песнями, подходившие части вюртембергцев, они быстро успокоились. Правда и вюртембергцы все более и более входили в район действий неприятельских воздушных эскадрилий и артиллерийского огня, вследствие чего их продвижение шло медленно. В 18.30 I батальон 478-го полка первым достиг юго-западной окраины Прояр. В 19.00 III батальон 478-го полка выдвинулся к северо-западу от этого селения и постепенно вошел в соприкосновение с юго-восточным флангом I батальона 13-го полка. Приданный 478-му полку, I батальон 122-го полка расположился во втором эшелоне на железной дороге между Шюйньоль и Прояр. Ему была придана находившаяся при 478-м пехполку сапрота 306-го полка для оборудования этой тыловой позиции на командующей высоте северо-восточнее Прояр. До пехотного боя дело уже больше не доходило.

Когда затем около 22.00 122-й фузильерный полк своим II батальоном вышел на ту же высоту южнее I батальона 478-го полка и со своей стороны установил слева прочное соприкосновение с 107-й пехдивизией, то перед занятым противником фронтом между выс. 84

¹ В действительности был направлен лишь один дивизион (1 дивизион 26-го рез. полка легкой артиллерии).

² Так как штаб 43-й рез. дивизии еще продолжал управление на своем прежнем участке, штаб 108-й пехдивизии был свободен.

Римской дорогой была не только вновь образована сплошная пехотная линия, но одновременно и установлено достаточное эшелонирование в глубину. Ибо в распоряжении 108-й пехдивизии были сосредоточены 6-я, 2-я пулеметная и 9-я роты 201-го рез. полка и 203-й рез. полк (без II батальона) у Фонтен-ле-Каппи, а также II и III батальоны 202-го рез. полка южнее Каппи, и вечером к Шюйнь в качестве корпусного резерва подошел 119-й рез. полк.

Подготовка грузовиков к переброске пехоты 107-й пехдивизии настолько задержалась, что некоторые полки могли выехать из своих районов расположения лишь между 12.00 и 16.00.

Перед ехавшими вперед частями открылось безотрадное зрелище. Им навстречу бесконечной лентой тянулись повозки и колонны, вперемежку с ними в жалком состоянии бежали различные войсковые части. Эти последние немедленно могли бы еще оказать противнику существенное сопротивление. А так как лишь способствовали замедлению движения дивизии. Часто следовавшие рядом повозки переплетались в почти не распутываемый клубок, что препятствовало проезду наших грузовиков. К счастью над нами не было авиации. В 1 км от Фукокур проезд оказался невозможным, так как здесь батареи сопровождения также выехали на дорогу. Поэтому пришлось выгрузиться и дальше уже следовать в пешем строю» (из донесения 232-го рез. пехполка).

107-я пехдивизия в 14.00 в Фукокур отдала своей 213-й пехбригаде приказ немедленно по выходе полков на обе стороны Римской дороги перейти в наступление с целью выигрыша возможно большей территории в западном направлении. Впереди были лишь слабые остатки наших частей на западной опушке Баварского леса и перед Ренекур. Однако уже было 17.45, прежде чем 213-я пехбригада, имея 232-й рез. полк правее и 227-й рез. пехполк левее Римской дороги (на фронте в 1000 м каждый), могла выйти из оврага восточнее Баварского леса в севернее Герлевил. Каждому полку было придано по одной батарее I дивизиона 221-го полка легкой артиллерии. Остальные батареи этого полка, а также I дивизион 213-го полка легкой артиллерии стояли уже на позиции по обеим сторонам Римской дороги (западнее Фукокур). 52-й рез. пехполк остался в овраге восточнее Баварского леса. Потревоженные лишь самолетами, эти 2 передовых полка достигли около 300 м западнее дороги Прояр—Флак и 1 км западнее Ренекур. Части II батальона 227-го рез. полка выдвинулись до западной опушки Фрамервил. Здесь по обоим полкам открылся сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Связь вправо с 478-м полком была весьма непрочная — 122-й фузильерный полк еще не подошел, — связь совершенно ненадежная. Очень скоро было обнаружено, что противник находится перед прочно занятой позицией противника, против которой атака возможна лишь после сильной артиллерийской подготовки; последней однако сейчас еще не были созданы необходимые условия. Поэтому от дальнейшего продвижения вперед отказались. Это было совершенно правильно, так как с одной стороны противник с самого начала имел время укрепиться на достигнутых им позициях и подтянуть свои сильные артиллерийские части, с другой стороны 107-я пехдивизия в течение шестинедельного пребывания на передовых позициях была сильно утомлена. Нескольких дней, которые она простояла в тылу, было ей естественно недостаточно, чтобы восстановить свою боевую силу.

Этот отказ от дальнейшего наступления правда не соответствовал намерениям командования XI арм. корпуса, чей приказ от 18.00 указывал:

«107-я пехдивизия наступает по обеим сторонам Римской дороги на Ламот. 108-я пехдивизия наступает совместно с ней всеми имеющимися наличными силами, направляя правый фланг на Моркур. Граница между 108-й и 107-й дивизиями: станция Прояр и далее 500 м севернее Римской дороги. 107-я пехдивизия левым флангом наступать на Байонвиллер».

Так как 107-я пехдивизия дальше не продвигалась, а противник сильно укрепился также и перед 108-й пехдивизией, подход же 122-го фузильерного полка затянулся до 20.00, то корпусное командование отказалось от дальнейшего наступления и в 23.00 приказало закрепиться на достигнутых позициях. Однако все же должна была вестись подготовка к атаке на следующее утро. Но и до этой атаки дело уже больше не дошло.

Вследствие потерь в рядах артиллерии, действовавшей на фронте южнее Соммы, было не совсем просто усилить 108-ю пехдивизию сколь угодно достаточным количеством батарей. С 478-м, 122-м и 119-м рез. полками пришли лишь 3-я батарея 238-го полка легкой артиллерии и I дивизион 26-го рез. полка легкой артиллерии, но они подошли так поздно, что уже не могли стать на позиции; они остались у Шюйна (3-я батарея 238-го полка легкой артиллерии) и у Эклюэе (I дивизион 26-го рез. полка легкой артиллерии). Таким образом можно было рассчитывать лишь на еще способные к действию батареи 243-го и 43-го рез. полков легкой артиллерии, из которых однако часть должна была быть оставлена севернее Соммы в 43-й рез. и 27-й пехдивизиях¹. Наконец удалось сосредоточить на участке 108-й пехдивизии 9 батарей. При этом к счастью 2-я и 5-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии, которые вместе с 7-й батареей потеряли все свои орудия, могли получить из парка в Фруасси по 4 орудия и укомплектоваться за счет личного состава 7-й батареи. Имевшаяся в наличии тяжелая артиллерия состояла из батарей или орудий, которые предполагалось направить для усиления или для смены на участки 43-й рез. дивизии (южнее Соммы) и 13-й и 41-й пехдивизий, но которые еще не были отправлены. Из этих последних 4-я батарея гвард. ландв. тяжелого артбатальона в течение 8 августа уже неоднократно становилась на позиции, но не могла однако получить снарядов. К вечеру в 108-й пехдивизии стояло готовых к открытию огня 12 тяжелых орудий различных калибров. 107-я пехдивизия имела 221-й арм. полк легкой артиллерии и I дивизион 213-го полка легкой артиллерии, тяжелой артиллерии она пока не имела, наличие была лишь полубатарея 1-й батареи 88-го полка тяжелой артиллерии 117-й пехдивизии, но последняя еще поздно вечером была перебросена на юг². Однако к обеим дивизиям подходило в общей сложности 6 легких и 8 тяжелых батарей, которые совместно с готовыми к действию 9 августа 3-й батареей 238-го полка легкой артиллерии, I дивизионом 26-го рез. полка легкой артиллерии и 4-й батареей гвардейского ландверного (тяжелого) артбатальона могли значительно усилить оборону. Дальнейший ход событий зависел в значительной мере от того, будут ли противник ожидать с возобновлением своей атаки, пока эта артиллерия подойдет и подготовиться к действию.

¹ Согласно приказу о передаче батарей, принадлежащих 107-й пехдивизии.

² Расположение артиллерии см. на карте 2.

в) ЮЖНЕЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ АМЬЕН ШОЛЬН

I АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

Условия для обороны в районе действий LI арм. корпуса были по сравнению с XI арм. корпусом тем благоприятнее, что назначенные на этого участка ударные части (109-я пехдивизия) своими сильными пехотными частями и особенно артиллерией в полном составе были расположены недалеко от фронта. Равным образом отдохнувшие батальоны передовых дивизий были расположены сравнительно близко за своими полками, так что могли быть быстро и планомерно направлены в контратаку; это было невозможно ни на участке LIV, ни на участке II арм. корпусов. Следующее преимущество заключалось в наличии на участке соседнего слева III арм. корпуса (18-й армии) ударного соединения в виде 1-й рез. дивизии, быстрое подтягивание которой было также обеспечено, поскольку передовые дивизии этого корпуса не были больше атакованы противником. Также и передовой фронт. LI арм. корпуса был в своей обороне усилен, благодаря тому что у него на правом, фланге находилась совершенно свежая, хорошо подготовленная и укомплектованная 117-я пехдивизия. Это было тем более ценно, что здесь позиции были расположены весьма неблагоприятно. Когда примыкавшие с севера дивизии во время неприятельской атаки 4 августа вынуждены были отвести свои части с линии Гамель — район к востоку от Виллер — Бретоне, то в ожидании обратного овладения потерянной территорией, а позднее также в надежде продолжить наступление на Амьен части не отошли с позиций, расположенных в лесистой местности севернее Гангар.

Таким образом возникла сильно выдающаяся вперед и требующая ответственно много сил дуга, над которой сразу же повисла угроза с флангов, когда противнику удалось достичь успеха в направлении на Марселькав. К несчастью 117-я пехдивизия была введена в дело лишь 5 августа, и то неполностью. Ее части еще недостаточно знали свои позиции и утром 8 августа частично находились еще в подчинении штаба 109-й пехдивизии. Эта последняя дивизия однако никоим образом не представляла собой полноценную часть. Находившаяся с конца апреля непрерывно в действии, она пережила очень тяжелые месяцы и была чрезвычайно слаба и утомлена. Кроме того, некоторые ее отдельные пехотные и артиллерийские части находились еще на позиции, прочие только что начали отход в районы расположения, когда начался ураганный огонь противника. Таким образом в противовес некоторым преимуществам налицо были и неблагоприятные моменты, которые не могли не оказать своего влияния на ход боя.

Участок LI арм. корпуса был атакован не только обладавшими выходящим наступательным духом канадцами, но и французами. Внутренние фланги обоих были направлены южнее большой дороги Амьен—Руа. Канадский корпус имел в передовой линии, считая с севера на юг, 2-ю, 1-ю и 3-ю дивизии, из которых, как уже выше было указано (см. стр. 103), 2-й дивизии была направлена главным образом против 148-го и 41-й пехдивизии. 2-я и 1-я канадские дивизии должны были без боя атаковать до самой третьей цели атаки, будучи при этом поддержаны главными силами 1-й кавдивизии. 3-я канадская дивизия напротив должна была атаковать лишь до второй цели. Затем 3-я кавалерийская и 4-я канадская дивизии должны были, обходя ее с фланга, развивать

наступление дальше. План атаки был тот же, что и у австралийцев: немедленная атака танками и пехотой сразу же с началом артиллерийского огня и двухчасовая остановка по достижении первой цели.

Напротив для одновременной атаки XXXI французского арм. корпуса была предусмотрена артиллерийская подготовка продолжительностью в 45 мин. Лишь затем, т. е. в 6.05, должна была начать движение пехота. Этот корпус должен был сначала овладеть 42-й и 37-й дивизиями, командующей выс. 110, лесом у Морейль и плато западнее и юго-западнее Вилляр-о-Эрабль. В это время 153-я дивизия, которой было придано 2 батальона легких танков (90 штук), должна была следовать вплотную за корпусом, постепенно выдвигаться в промежуток и ударом в направлении на Ганджест-ан-Сантер, дать атаке новый толчок вперед. Из 126-й дивизии был образован второй эшелон.

Атака на Морейль выпала на долю 66-й дивизии и по времени была разделена на 3 этапа. Одновременно с началом атаки 42-й и 37-й дивизиями она должна была восточнее р. Авр атаковать селение с севера (в 6.05); затем в 7.55 должна была пробиться через западную окраину и в 9.20 начать переправу через р. Авр южнее Морейль. В связи с этим в примыкавшем к XXXI корпусу с юга IX корпусе было намечено устройство предмостного укрепления. Для этого 15-я колониальная и 3-я дивизии должны были в 9.20 перейти в атаку и вначале выйти на линию выс. 95 и 102 (западнее и юго-западнее Плесье) — восточная опушка леса, что северо-западнее Контуар.

Таким образом в первые 2 периода наступления 3 северные дивизии первой линии LI арм. корпуса будут атакованы 1-й и 3-й канадскими дивизиями, 42-й, 153-й, 37-й и 66-й французскими дивизиями, затем 192-й (саксонской) дивизией, 15-й колониальной дивизией и главной частью 3-й дивизии. Это по крайней мере двойное превосходство противника было однако еще усилено содействием массы артиллерии, танков и авиационных частей¹. Противник располагал:

	Легкими орудиями	Тяжелыми орудиями около	Танками
1-я и 3-я канадские дивизии	240	180	76
XXXI арм. корпус	276	340	190
IX » »	180	252	—
В с е г о	696	772	266

В дальнейшем ходе атаки 4-ю канадскую дивизию в бою поддерживали еще 34 танка, а 1-ю и 3-ю канадские дивизии 38 легких орудий и 96 легких танков. Благодаря этому усилению канадских дивизий естественно приобрели значительно большую боевую ценность, которая должна была дать себя особенно чувствовать; атака быстро привела к успеху, и неприятельское командование и надеялось. Ибо тогда пришлось считаться с тем, что конница еще до подхода германских резервов, проникнув слишком далеко, сможет помешать планомерному развертыванию германской контратаки и создать большую панику в тыловых сообщениях. Однако это превосходство в живой силе и боевых средствах должно было

¹ Количество самолетов не может быть указано, так как военновоздушные силы находились в непосредственном подчинении армии (см. стр. 23).

повыситься еще и тем, что важный союзник противника — туман — также и на этом участке фронта вначале в значительной степени исключил действие германского оружия.

2. 117-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ¹

Несмотря на то, что 117-я пехдивизия была наиболее свежей и сильной в боевом отношении дивизией германской армии и что во главе ее стоял особенно закаленный в боях генерал-майор Тефер, ей не было суждено остановить могучую атаку противника. Особенно усложнились оборона на правом участке, благодаря тому что здесь передовой батальон (I батальон 22-го рез. полка) лишь несколько часов тому назад занял свои позиции и что из стоявшего позади него ударного батальона (II батальон 22-го рез. полка) лишь 2 роты, расположенные на линии артиллерийских запасных позиций, были налицо для его поддержки. Остальная часть этого батальона находилась в Марселькав для обеспечения стыка с соседней частью. Ударный батальон южного полка (III батальон 157-го полка) лишь в ночь на 8 августа подошел к району своего расположения и, так же как и I батальон 22-го рез. полка, вообще еще не видел при дневном свете своего участка. Роковым образом повлияло и то обстоятельство, что ударный батальон среднего полка (II батальон 11-го гренадерского полка) без всякого эшелонирования в глубину был расположен очень близко к переднему краю, где он, попав почти одновременно с передовыми частями под артиллерийский огонь противника, тотчас же был втянут в бой вместе с фюзильерным батальоном.

Как это и следовало ожидать по конфигурации передового края, оба правые пехотные полка были атакованы не только с фронта, но и заблаговременно охвачены с правого фланга, так как быстрые успехи противника в направлении на Марселькав дали возможность, особенно его танкам, охватить с севера Средний и Восточный лес. Отсюда получилась необычайная обстановка, когда стоящие на линии едва оборудованных запасных артиллерийских позиций, части 22-го рез. полка уже втянулись в ближний бой, в то время как части, расположенные на переднем крае, еще упорно оборонялись на нем или непосредственно позади него. Из I батальона 22-го рез. полка очень немного людей вернулось назад. Обе ударные роты II батальона 22-го рез. полка были также благодаря этому охвату с севера сразу же оттеснены на скат юго-западнее Марселькав, где им удалось оказать первое длительное сопротивление. Если бы здесь осталась часть этого батальона перешла в атаку, то наверное удалось бы удержать противника до тех пор, пока подошел бы отдыхающий батальон. Однако, как уже было указано при описании боя 41-й рез. дивизии, по Марселькав велся особенно сильный артиллерийский огонь, которым полубатальон II батальона 22-го рез. полка был загнан в погреба домов. После этого полубатальон соответственно своей задаче как части, обеспечивающей стык, получил приказ занять северо-западную окраину Марселькав. Однако и это оказалось уже поздно. Когда дальнейшее продвижение назад неприятель-

¹ Принимая во внимание ограниченные рамки настоящего труда, приходится в основном отказаться от описания отдельных боевых эпизодов в ходе боя батальонов первой и второй линии на участке LI арм. корпуса. Это было бы в большинстве случаев повторением того, что уже сказано при описании хода боевых действий в районе XI арм. корпуса.

ского огневого вала позволило выйти из погребов, канадцы с их танками уже ворвались на окраину селения. В южной части селения завязался ожесточенный уличный бой (см. стр. 103); о поддержке 2 других рот этого же батальона юго-западнее Марселькав не могло уже быть и речи; и почти ни один человек из этой кровавой схватки назад не возвратился. В какой степени командир полка — на этом участке командовал еще командир стоявшего здесь до сего времени 2-го гренадерского полка — мог оказывать свое влияние на управление боем, видно из следующего описания, данного офицером для поручения при этом штабе лейтенантом Цильбергом:

«Все время по Марселькав велся очень сильный огонь артиллерии всех калибров, особенно блиндажными снарядами (гранаты с замедленным взрывателем), в расчете на разрушение погребов. В занимаемые нами здания каждые две минуты ударялись снаряды, попадавшие лишь в стены и крыши.

В нашем распоряжении было всего 2 роты 22-го рез. полка. Около 7.00 огонь сосредоточился на Марселькав с бешеной силой и продолжался до 7.30. Командир 2-го гренадерского полка майор Брокдорф приказал обеими ротами как можно скорее, занять северо-западную окраину селения. Теперь противник повидимому перенес свой артиллерийский огонь дальше назад. Но зато усилился пехотный и пулеметный огонь по селению с непосредственно близкой дистанции. Также ясно можно было слышать шум моторов, однако нельзя было различить, исходит ли он от танков или самолетов.

Около 7.40 наступило очень подозрительное спокойствие. Одновременно послышались шаги. Мы думали, что это шаги проходивших мимо наших рот 22-го полка, однако тут же мы с удивлением услышали, что разговор ведется на чужом языке. Вестовой командира полка, сделав несколько шагов вверх по ступенькам, чуть не упал со страха и еле слышно проговорил: «Томми».

Тотчас же взрывом большого разрывного заряда, брошенного в дверь погреба, последний был частично разрушен и весь штаб полка был взят в плен.

Исключительно кровопролитно шел бой в 11-м гренадерском полку, там в фюзилерном батальоне были ранены 3 командира рот, много унтерофицеров и рядовых; во II батальоне были убиты командир батальона и 3 командира рот. Также и из этого полка назад вернулись лишь остатки фюзилерного и II батальонов. Напрасно командир полка майор Группенберг пытался с этими остатками и 2-й пульротой удерживать тыловую позицию в районе командного пункта бригады. Так как охват из Марселькав достиг уже значительного размера, эти части должны были после 8.00 отойти дальше назад, причем во время этого отхода был убит командир полка.

Бой II батальона 157-го полка освещается следующим сообщением. Командир батальона, майор Менде пишет:

«Как только начался артиллерийский огонь противника, я немедленно бросился к телефону, чтобы донести в полк об атаке, однако провод уже порван снарядами. Тогда я выбежал наружу, чтобы что-нибудь увидеть, но стоял такой густой туман, что видно было не далее, чем на два шага. Был слышен лишь слабый пехотный огонь, так что я предположил, что атака либо отбита, либо еще не началась. Я стал ожидать донесений от рот. Пехотный огонь полностью прекратился; однако и сведений никаких не приходило; поэтому я послал во все роты посыльных. Прошло полчаса, никто не приходил и ничего не было видно и слышно. Наконец пришел унтер-офицер 5-й роты Бейер и сообщил, что противник идет за ним по пятам, а командир роты повидимому убит. Как только он это проговорил, первые гранаты полетели в убежище».

Особенно замечательны приключения лейт. 8-й роты 157-го полка Ганс

Рота была распределена по беспорядочно разбросанным гнездам. Туман забрезжали первые бледные лучи, когда над нами внезапно разразился ураган артиллерийского огня. Командир роты лейтенант Лангнер и я стояли вместе после проведенной абсолютно без сна ночи и установили, что огонь противника быстро продвигается через нас. В несколько секунд рота была в полной боевой готовности. Я спешно побежал к передовым постам, где однако ничего не было видно. Передовые посты кроме обычного шума работ ничего не заметили. Кроме свиста летевших через нас снарядов, мы не заметили никакой деятельности противника. Тогда в полном спокойствии были приняты обычные мероприятия; в готовности обоих противотанковых орудий тут же убедился лично. Лейтенант Лангнер попытался связаться по телефону с батальоном, однако линия уже была порвана. В батальон и к гнездам были посланы пешие посыльные, которые не возвратились.

Наконец появился противник. Вначале невероятно низко над нами зажурило несколько летевших с световыми сигналами самолетов, которые обстреливали нас пулеметным огнем. Наш ответный огонь к сожалению остался безрезультатным. Затем показались 2 танка, но за ними не было ни одного неприятельского солдата. Мы открыли успешный огонь, особенно по одномушедшему в удобный сектор обстрела танку, — он остановился, в то время как другой довольно быстрым темпом свернул в сторону. Позади остановившегося танка мы обнаружили повидимому вылезший из него экипаж, который довольствовался тем, что выглядывал из-за углов и нам делал знаки, что мы должны сдаться. Между тем к ним стал подходить все более многочисленный противник. Перейти в атаку он однако не решился, и нам удалось после длительного огня заставить его укрыться.

Мы себя чувствовали неприятно благодаря отсутствию своего заградительного огня. Наконец внезапно по нам открылся огонь с тыла и видимо из двух танков, которые по всей вероятности, воспользовавшись лежавшим позади нас оврагом, обошли нас. Пулеметный и орудийный огонь затрещал по нам из этих 2 танков, а также из стоявшего впереди нас танка, и из стрелковой линии, которая тут образовалась. Прошло немного времени, и от нашей роты, обстреливаемой со всех сторон и все еще продолжавшей оказывать сопротивление, осталась лишь небольшая кучка людей. Я сам вскоре после разрыва совсем близко от меня снаряда, которым лейтенант Лангнер был убит, увидел себя в руках канадских санитаров.

Адъютанту передового батальона удалось пробиться к командиру ударного батальона. Этот последний, майор Печельт, составил донесение: «Англичане прорвались, должны быть сейчас здесь». Роты его III батальона 157-го полка немедленно подготовились к контратаке, однако он тут же был тяжело ранен. Одновременно прямо перед ним из тумана показались плоские шлемы, так что дело до планомерной контратаки уже не дошло. И все же противник был на долгое время задержан.

Наиболее упорное сопротивление было оказано германцами в одном окопе под названием «Оберкур, служившем прикрытием для некоторых наиболее важных артиллерийских позиций» (Монгомери, стр. 36).

В 7.55 показались первые канадские стрелковые части перед командным пунктом полка, восточнее Оберкур. Штаб полка был взят в плен.

Таким образом противник, обладавший превосходными силами, около 7.55 полностью владел Марселькав, вскоре после 8.00 вышел на высоту командного пункта бригады и почти одновременно достиг командного пункта 157-го полка; следовательно самое позднее в 8.15, на один час ранее назначенного времени, канадцы на всем участке 117-й пехдивизии достигли своей первой цели атаки, где они согласно приказу и задержались до 9.20. Поддержка передовых и ударных батальонов со стороны артиллерии могла быть весьма незначительной. Хотя около 5.30 почти все батареи с полным напряжением вели уничтожающий огонь, однако к этому моменту много орудий было уже повреждено попавшими в них.

снарядами, как например все 4 орудия 1-й батареи 37-го ландверного артполка, которые вообще не открыли огня. Также быстро была разрушена и телефонная связь. Решительным же фактором, обусловившим ничтожный успех артиллерии, было то, что уничтожающий огонь велся по плану впереди боевого охранения в то время, когда на переднем крае и позади него уже шел бой. Туман и отказ в работе всей телефонной сети связи полностью исключили возможность своевременно определить степень успеха атаки; все время огонь велся по линии лежащей позади передовых атакующих частей противника. По английским источникам огонь германской артиллерии несколько не задерживал продвижения и нанес лишь ничтожные потери. До самообороны дело дошло лишь в нескольких батареях, например 3-й батарее 64-го полка¹ тяжелой артиллерии и в 1-й батарее 37-го ландверного артполка; в большинстве случаев самооборона благодаря быстрому продвижению противника и охвату была невозможна или быстро парализовывалась. С достижением противником первой цели атаки главные массы орудий, включая и большую часть артиллеристов, попала в его руки. Однако артиллерийская группа, стоявшая в районе леса Пиррет, тогда еще хорошо действовала, — об этом уже говорилось (см. стр. 100, 103).

Вопрос о том, удастся ли отдыхающим батальонам 117-й пехдивизии подготовиться к задержанию противника после возобновления им наступления с первой цели атаки до тех пор, пока подойдет ударная дивизия, должен был иметь решающее значение для дальнейшего хода боя. Одновременная конгратака этих 3 батальонов под общей командой могла бы пожалуй иметь успех, хотя правда и временный, так как вначале не было достаточной артиллерийской поддержки; после потери всей артиллерии, стоявшей на позиции, налицо была лишь одна отдыхающая 6-я батарея 233-го полка легкой артиллерии. Однако к сожалению сосредоточенного введения в дело отдохнувших батальонов не произошло. Они вначале были направлены дивизией в балку Винкур. Так как дальний артиллерийский огонь противника покрывал весь район до Гарбоньер, их движение, одновременно затрудненное сильными неприятельскими воздушными частями, проходило крайне медленно и с значительными потерями. Когда III батальон 22-го рез. полка достиг района юго-восточнее Винкур, поступили донесения, что противник уже вошел в Винкур. На этом основании командир 22-го рез. полка, следовавший на смену штаба 2-го гренадерского полка в Марселькав и задержанный артиллерийским огнем противника, отдал приказ батальону развернуться против Винкур. Вначале в селение были высланы дозоры, которые сразу же после 9.00 донесли, что в Винкур противника еще нет. Соседних с севера частей нигде обнаружено не было.

Тем временем левее I батальон 157-го полка прибыл на восточный берег балки Винкур, имея приказ дивизии наступать до балки Блиндарм,

¹ Захваченные во время смены батареи LXIV тяжелого артбатальона (109-й пехдивизии) имели лишь по 2 орудия, 2 другие были сменены батареями 88-го тяжелого артбатальона (117-й пехдивизии), которые только что пришли на позиции и еще не произвели пристрелки. На позиции 4-й батареи 227-го полка легкой артиллерии также стояли половина этой батареи и половина 8-й батареи 233-го полка легкой артиллерии, на позиции 5-й батареи 227-го полка легкой артиллерии — половина 5-й батареи и половина 9-й батареи 233-го полка легкой артиллерии и наконец на позиции 6-й батареи 227-го полка легкой артиллерии — половина 6-й батареи и половина 7-й батареи 233-го артполка.

так как последние полученные дивизией сведения говорили, что противник прорвался главным образом на левом фланге этой дивизии и на правом фланге 225-й пехдивизии. Командир батальона решил вначале перейти находившуюся под сильным огнем балку Винкур 2 ротами, а остальной частью батальона занять тыловую позицию на восточном скате балки. Теперь к I батальону 157-го полка с фронта прибыл командир бригады и, будучи знаком с обстановкой, приказал командиру 22-го рез. полка майору Шерер со своим III батальоном и подчиненным I батальоном 157-го полка удерживать высоты восточнее балки Винкур. Непосредственно вслед за этим к командиру бригады прибыл конный посыльный и донес, что левее I батальона 157-го полка расположен I батальон 11-го гренадерского полка. Этот последний был также подчинен майору Шерер. Так наступление III батальона 22-го рез. полка на Винкур было приостановлено и направленные через балку Винкур роты I батальона 157-го полка были возвращены назад. Из I батальона 11-го гренадерского полка 3 роты также уже зашли за балку Винкур на 500 м и здесь наткнулись на сильного противника непосредственно после возобновления последней атаки в 9.20. После горячего боя, в котором приняли участие отходившие с фронта остатки фузилерного и II батальонов 11-го гренадерского полка, а также II и III батальоны 157-го полка, эти 3 роты должны были отойти через балку Винкур назад.

Таким образом, лишь около 10.00 все 3 батальона, понеся уже значительные потери, были объединены на высотах восточнее балки и поддержаны следовавшей за ними 6-й батареей 233-го полка легкой артиллерии. Непосредственно вслед за этим этот оборонительный рубеж был одновременно атакован с запада и со стороны Винкур большим количеством танков; впереди шел сильный огневой вал. Неприятельская пехота следовала за танком очень осторожно. Снова охват с севера, где также не было связи с соседом, привел к исходу не в пользу обороняющегося. Несмотря на то что 6-я батарея 233-го полка легкой артиллерии, оказывая по силе возможности поддержку, вывела из строя несколько танков — донесение полка указывает на 6 подбитых танков, — все же сначала правый фланг (III батальон 22-го рез. полка) группы Шерера перед все простиравшимся к востоку и дошедшим до Гийкур охватом вынужден был отойти на высоты к югу от этого селения. Затем постепенно начали отходить также и центр и левый фланг, так как опасность полного окружения делалась все большей; это потому, что, введенные в дело южнее железной дороги, бригады 1-й английской кавдивизии (9-я и 2-я кавбригады) перешли теперь с их легкими танками передовую линию канадской пехоты и быстрым темпом атаковали ее. Все же лишь около полудня противник окончательно занял возвышенную местность севернее Кайе. Имея в виду подавляющее превосходство противника в артиллерии, танках и самолетах, эти действия 3 отдыхавших батальонов и 6-й батареи 233-го полка легкой артиллерии должны быть особенно отмечены. Они понесли чрезвычайно большие потери. Если бы они были поддержаны хоть сколько-нибудь достаточной артиллерией, противнику было бы здесь очень тяжело продвинуться далее на восток. В 12.30 пехота 2-й канадской дивизии достигла на участке 117-й пехдивизии своей второй цели атаки.

Какие потрясающие впечатления переживали участники этих боев, которым удалось вернуться назад из передовой боевой зоны, и в какой

степени были подорваны их физические силы, видно из одного описания, даваемого лейтенантом 9-й батареи 227-го полка легкой артиллерии Френцмейер, который был в качестве артиллерийского офицера для связи при командире батальона первой линии 157-го пехполка:

«Меня разбудил глухой артиллерийский огонь. Как будто я только что задремал. Какое-то беспокойство гонит меня тогда же к ближайшему выходу из убежища — всего было 2 выхода. Поднимаюсь наверх, тут меня задерживает в убежище частый артиллерийский огонь, который, как грозовой дождь, покрывает мертвый овраг. Ни один человек здесь не пройдет, поэтому нужно подождать, пока огонь ослабнет. Весь овраг заполнен туманом, противник видимо стреляет дымовыми и химическими снарядами. Поэтому надо готовить противогазы. Я приказываю людям выйти из убежища, насколько позволяет укрытие, и приготовить оружие, а сам приношу бинокль и карту и надеваю снаряжение. Около 5.50 огонь начинает затихать. Я приказываю бойцам немедленно занять позиции, сам же бегу вниз, чтобы сообщить командиру; когда я хотел внизу крикнуть ему: «Приготовьтесь к бою», я уже услышал от него ответ (он звенит у меня в ушах до сих пор): «Это бесцельно, так как англичане уже здесь». И действительно канадцы уже ворвались через другой вход в убежище, где находились офицеры штаба батальона, и благодаря внезапному нападению быстро подавили последних и уже находились внизу. К моему счастью убежище поблизости от второго выхода имело отделенную перекрытием площадь. Я воспользовался этим перекрытием, чтобы спрятаться за него, и выскакиваю через другой выход. Я бегу вперед скачками, держа направление на узел дорог севернее Демуэн. В каменоломне не видно ни одного человека. Севернее Оберкур скрыта одна батарея 225-й дивизии¹, офицеров которой я ориентирую в обстановке. Они снимают свои орудия с позиций. Противотанковое орудие, стоящее у края дороги, принимает боевую готовность. Иду дальше назад, чтобы дойти до полка. Телефонная связь естественно повсюду перерезана. По всем улицам и путям сообщения ведется сильный артиллерийский огонь. Слева у края дороги расположены убежища и блиндажи штаба 157-го полка. Я сообщаю командиру полка положение на фронте. Конечно он приходит в ужас. Он предпринимает подготовительные мероприятия, насколько это возможно. Я спешу через огневой вал дальше и встречаю одного телефониста, который на мой вопрос сообщает мне, что больше нет связи ни с одной станцией. Туман все еще густо расстилается по полям. Теперь местность сплошь покрыта воронками от снарядов. Отдельные пехотинцы с оружием и без него без всякого начальства отходят назад. Я собираю вооруженных, причем к сожалению вынужден несколько раз отдельным из них угрожать пистолетом. Я пытаюсь образовать значительную часть. Мы приходим на боевую позицию одной тяжелой батареи, южнее Марселькав². Батарея как раз готовится вынуть замки и взорвать орудия ручными гранатами. Одна легкая батарея³, стоящая неподалеку, выпускает свои последние снаряды по Марселькаву и по Римской дороге, обстреливая танки и неприятельские части. Я приказываю пехотинцам занять позицию у самого оврага Винкур и встречаю наконец одного пехотного офицера, сидящего со своей пулеметной ротой в овраге в ожидании приказа с фронта; под мою ответственность он также идет на высоту занимать позицию. Время от времени подходят еще пехотинцы. В тот момент, когда мы направляем части занимать позицию, подходит, направляясь к фронту, одна ударная рота 117-й пехдивизии⁴ под командой одного ротмистра. В этот момент прибывают взволнованный серьезно обстановки мой командир полка майор Клейн, затем поручик Асман и лейтенант Цюлов с несколькими людьми. Они вынуждены были оставить почти все свои части впереди и теперь пытаются разysкать уже смененные батареи. С согласия Цюлова я остаюсь при пехоте. Пожалуй я могу оказаться полезным. Мы хорошенько окопались, используя при этом в виде укрытий старые окопы.

¹ 1-я батарея 47-го полка легкой артиллерии.

² Повидимому 1-я батарея 64-го полка тяжелой артиллерии.

³ Повидимому 8-я батарея 27-го полка легкой артиллерии.

⁴ Повидимому из I батальона 157-го полка.

И вот теперь — потрясающая картина и в то же время величественное зрелище: английская конница скачет по-эшелонно на Винкур. Ее становится все больше, я насчитал почти 1500 всадников, за ними на быстром ходу следуют легкие танки, которым тоже нет конца. Я обращаю на них внимание ротмистра, но пехота остается на позиции. Что же будет дальше? Перед нами разворачивается неприятельская пехота с тяжелыми танками. Штабы с лошадьми останавливаются недалеко от водокачки в Марселькав. Я очень сожалею, что не могу дать туда артиллерийский огонь. Неприятельская конница снова показывается восточнее Винкур, скачет дальше по Гийокур, танки следуют за ней. Я посылаю назад пеших посыльных, которые должны попытаться найти высшие штабы и ориентировать их об обстановке, которая становится все более серьезной. Я надеюсь, что мы скоро получим артиллерийскую поддержку, но никто не возвращается назад. Теперь уже очень мало смысла посылать туда еще людей. Противник обстреливает тяжелой артиллерией район позади наших позиций. Мы пролежали недолго, когда над нами появились густые стаи самолетов в таком количестве, которого мы раньше еще не видели. Два самолета мы сразу же подбиваем, но это нисколько не помогает. Самолеты обстреливают нас, как бешеные. Они летают над нами так низко, что мы их почти можем схватить, все больше забрасывая наши позиции связками ручных гранат и нанося нам пулеметами большие потери. Непосредственно впереди нас появляются неприятельские танки, которые пытаются выйти через дорогу в поле. Мы открываем по этим чудовищам сильнейший ружейный и пулеметный огонь. Мы охвачены со всех сторон. Неприятельская пехота продвигается все ближе. Наши огнеприпасы подходят к концу. Никакого пополнения. Много раненых и оставшихся без патронов пехотинцев отходят назад. Оставшись лишь с немногими людьми, мы вынуждены теперь сдать позицию. Неужели нет никакой поддержки, никакого пополнения? Первый танк подбит, однако остальные преследуют нас и пытаются уничтожить. Мы видим, как в нашем тылу уже далеко позади по полям шныряют неприятельские танки, атакуя гнезда сопротивления и выгоняя людей из убежищ, и как небольшими частями по местности скачет неприятельская конница. Спасемся ли мы еще вообще? Мы пытаемся перейти через ручей Люс и идти на Ке. В Вовиллер¹ видимо взорвался склад огнеприпасов. Нас остается совсем небольшая кучка, и мы надеемся сегодня еще встретить наши резервы. Крупных масс войск германцев нигде не видно, всюду только противник. Наконец мы натываемся на одно противотанковое орудие, которое, стоя на позиции и будучи также отрезано от своих частей, ведет огонь по выгодным целям и подбило один танк. Мы берем экипаж танка с собой, канадцы ранены и сильно истекают кровью. Время уже полудни, голод дает себя заметно чувствовать. К нашему счастью кое-где на полях стоит еще не снятый хлеб, который укрывает нас от двигающихся по дорогам танков и следующей за ними пехоты. Наконец блеснул луч надежды. Севернее Ке одна батарея 23-го баварского полка легкой артиллерии² выскакивает рысью, почти галопом, на позицию, чтобы открыть огонь по открыто следующей неприятельской коннице южнее ручья Люс. К сожалению, я не могу ничего узнать о моих частях, но теперь мы уже надеемся встретить остатки дивизии. На одной проселочной дороге прямо к западу от Розьер³ я нахожу наконец одну батарею 227-го полка легкой артиллерии⁴. Лейтенант Вюстендорфер, имея свой наблюдательный пункт в одном палисаднике, открывает огонь по неприятельской коннице. Я иду дальше. Один дивизионный автомобиль, направляющийся на Гарбоньер, берет меня с собою. Но ему уже не удастся туда попасть, и мы едем на Вовиллер, где я должен найти свою часть. Я вижу, как лейтенант Грегфер, проезжая с батареей через селение, берет старт на позицию на дороге в Фрамервиль. Я являюсь к командиру дивизии капитану Шумбург, затем в штаб полка к майору Роель, который меня наконец снова направляет в 9-ю батарею. Все меня считают уже пропавшим без вести. Передки должны стоять совсем близко. Авиация продолжает еще усиленно действовать. Лишь вечером прилетели германские самолеты, и теперь неприятельские летчики оставили нас в покое. Как выглядит теперь обстановка на фронте, если вообще можно говорить о фронте, как о та-

¹ Склад огнеприпасов взорвался в Розьер.

² Речь может идти лишь о 6-й батарее 23-го баварского полка легкой артиллерии, которая однако стояла южнее (см. стр. 154).

³ Повидимому 2-я батарея 227-го полка легкой артиллерии.

жовом? 117-я и наша пехдивизии почти целиком уничтожены, осталось лишь немного пехоты. Большая часть попала в плен. Где резервы? Только одна артиллерия еще сдерживает противника. Однако я должен сказать, что если бы мы, германцы, достигли при прорыве такого успеха, мы бы его по-иному использовали».

3. 225-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

225-я пехдивизия занимала участок по обеим сторонам ручья Люс, включая большую государственную дорогу Амьен — Руа. Последняя была для противника особенно важна, так как район Руа был целью атаки правого фланга 4-й английской армии (см. стр. 23). В целях обеспечения себе достижения как раз на этой дороге намеченной на 8 августа цели неприятельское командование поставило действовавшей здесь 3-й канадской дивизии задачу, достичь лишь второй цели атаки, с тем чтобы продолжить последнюю уже новыми силами (4-й канадской и 3-й кавалерийской дивизиями). 3-я канадская дивизия решила наносить главный удар южнее ручья Люс, для чего наступавшей здесь в первом эшелоне 9-й бригаде было придано 28 танков, и уже по достижении ею первой цели успех должна была развивать 7-я бригада. Севернее ручья Люс 8-я бригада с приданными ей 14 танками должна была атаковать до второй цели. Фронт 225-й пехдивизии был однако атакован не только этими канадскими соединениями, но в своей южной трети также и сильными частями 42-й французской дивизии. Таким образом 225-я дивизия должна была обороняться против весьма превосходившего ее противника.

Занятие исходного положения и развертывание 9-й канадской бригады и ее танков на небольшом предместном укреплении у Урж было не таким простым делом. Если бы это не удалось, т. е. если бы это было преждевременно обнаружено находившейся близко передовой германской линией и расстроено артиллерийским огнем, то плановость атаки могла быть поставлена под серьезный знак вопроса. Поэтому занятие исходного положения этим соединением было со стороны неприятельского командования предметом совершенно исключительной заботы. Танки должны были совершить сближение не через мост у Домар, а через мосты, находившиеся дальше у Тенн, откуда они могли достичь своих исходных позиций, в мертвом пространстве, на скате, вдоль передовой линии германцев. Всякий шум был строжайшим образом запрещен. Эти предупредительные мероприятия полностью удалась. Занятие исходного положения не было нарушено, хотя передовые посты 373-го пехполка уже около 5.00 услышали шум танковых моторов. Однако донесение об этом не дошло своевременно по адресу для того, чтобы уничтожающий огонь артиллерии мог иметь еще успех. При подходе канадцев их танки и передовые атакующие пехотные посты передвинулись прямо на северо-восток, чтобы, оставаясь вначале по возможности дольше в мертвом пространстве, охватить передовые позиции с севера. Эти первоначальные передвижения были естественно прикрыты особенно сильным артиллерийским огнем. В противовес этому противодействие артиллерии 225-й пехдивизии было чрезвычайно слабое. Она располагала всего только 59 орудиями, из которых 2 орудия, поставленные для противотанкового назначения, в уничтожающем и заградительном огне участия не принимали. Так как кроме того 7 орудий стояло севернее ручья Люс, а из остальных батарей с самого начала

5 орудий были неприятельским огнем выведены из строя, количество орудий, стрелявших впереди фронта дивизии южнее ручья Люс, уменьшилось до 45. Английские источники говорят, что в болотистом грунте ручья Люс очень большое количество снарядов зарывалось в землю и не взрывалось, благодаря чему переправа через ручей на большой дороге между Домар и Урж почти все время оставалась для следовавших через нее войск вполне проходимой, несмотря на то что германский артиллерийский огонь был направлен туда вскоре после 5.20. Поэтому передовые батальоны 225-й пехдивизии имели недостаточную артиллерийскую поддержку.

Сразу же после 6.00 канадцы ворвались с фронта в Гангар. В 6.30 в небольших рощах севернее и северо-восточнее Гангар (леса Гренч и Нат на карте не нанесены) завязался горячий ближний бой, который окончился для 217-го рез. полка неблагоприятно лишь только потому, что противник прорвался непосредственно на ручье Люс, где стоял особенно густой туман, а также на участке соседа справа и затем атаковал с тыла оборонявшиеся фронтом на запад гнезда. В 6.40 командир переднего батальона донес, что он атакован с тыла. Находившаяся при нем станция телеграфирования через землю продолжала работать и в 8.10 могла еще раз донести, что командир батальона все еще держится. Однако выручить этих храбрецов не удалось, так как стоявшая севернее Демюэн ударная рота была уже давно разбита противником. Правда здесь у Оберкура вступили в бой обе отдохнувшие роты 217-го рез. полка с несколькими станковыми пулеметами, стоявшими у леса Винер. Они могли также оказать фронтально наступающему противнику упорное сопротивление, и весьма вероятно, что горячий бой, о котором говорит Монгомери (см. стр. 117), относится также и к этим 2 ротам и станковым пулеметам. Однако очень скоро слишком сильный нажим противника с севера заставил их отойти в направлении Иньюкур. Они пытались задержаться у Мон-Иде и на восточном скате балки Блиндарм; но на более продолжительное время им удалось задержаться лишь восточнее балки Винкур, где они вошли в связь с южным флангом отдохнувшего батальона 117-й пехдивизии (см. стр. 119). Лишь днем, с дальнейшим отходом на Кайе, бой здесь прекратился.

Также непосредственно южнее ручья Люс, противник, действуя в густом тумане против 3 слабых рот 217-го рез. полка, быстро достиг успеха. С многочисленными танками он в 7.10 достиг Демюэн и вслед затем захватил в плен половину 7-й батареи 47-го полка легкой артиллерии, после того как последней еще удалось вывести из строя один танк. Здесь чрезвычайно слабая артиллерийская поддержка сделалась особенно чувствительной; за этим участком стояли лишь указанная полубатарея 6-я и 9-я батареи 47-го полка легкой артиллерии. Обе последние батареи к тому же должны были в самый решительный момент открыть градительный огонь по восточной окраине Гангар, так как в 6.30 поступили сведения, что противник там атакует с тыла. О быстром же продвижении противника южнее ручья Люс еще ничего не было известно.

Этот успех противника непосредственно севернее и южнее ручья Люс имел решающее значение для судьбы всей 225-й пехдивизии. Дальнейшая обстановка вначале была значительно благоприятнее. Правда передовые неприятельские танки и атакующие волны пехоты сразу

после 6.00 также и на важной дороге Амьен — Руа дошли до леса Шварц. Однако здесь 373-й полк оборонялся с исключительным упорством. Несмотря на свое превосходство, противнику лишь около 8.30 удалось овладеть полностью лесом Шварц, что говорит о том, что германская пехота была еще способна к сильной обороне, хотя она была опрокинута танками и атакована с тылу. Здесь в лесах эти чудовища сделались менее маневроспособными.

Однако и севернее, на крутых обочинах идущей на Гангар дороги, противник встретил упорное сопротивление.

«На эту позицию в теснине согласно приказу отошли из боевого охранения командир 8-й роты лейтенант Дабек с лейтенантом Планиц, 1 унтерофицером, 15 бойцами и 3 ручными пулеметами. В то время когда огонь неприятельской артиллерии еще со всей силой велся по теснине, передовой танк обошел находившийся впереди опорный пункт и открыл огонь по его гарнизону, теперь состоявшему из 3 офицеров, 60 рядовых, 2 станковых и 7 ручных пулеметов. Вслед за первым выехал и второй танк. Оба танка были обстреляны пулеметным огнем и ружейными гранатами. Внезапно из оврага на фланге опорного пункта появился третий танк, четвертый подошел от Гангар и также остановился в овраге, севернее позиции. Тогда южный танк (третий) пошел через позицию и, забрасываемый ручными гранатами и разрывными зарядами, был оставлен, а экипаж был взят в плен. При подавлении второго танка лейтенант Винер, бросившийся на танк с подрывным зарядом, был на месте убит.

За время боя с этими танками подошли со стороны Гангар незамеченные в тумане неприятельские стрелковые цепи, за которыми следовала пехота в колоннах. Хотя они были с успехом обстреляны легкими минометами и пулеметами, но все же им удалось под прикрытием небольшой лощины выйти в тыл этой позиции» (дневник боевых действий II батальона 373-го полка).

Эта выдержка характерна для многочисленных отдельных боевых стычек, которые вследствие невозможности занять сплошную позицию сделались обычными. Повсюду противник мог совершать охваты, не встречая препятствий со стороны находившихся сзади или на флангах гнезд, так как туман препятствовал наблюдению. Как ни отважно, даже против танков, оборонялись части, занимавшие опорные пункты и отдельные участки окопов, они в конце-концов, падали жертвой окружения; к тому же чем дольше они держались, тем более многочисленные части противника заходили им в тыл. В 7.15 бой у оврага закончился.

В этих весьма кровопролитных боях у леса Шварц и на позиции у оврага была уничтожена главная часть передового и ударного батальонов 373-го полка, так что дальнейшему продвижению противника по обеим сторонам дороги уже не могли быть противопоставлены более или менее значительные силы. Его следующей целью был лесистый район к югу от Демюэн (Баварский лес севернее и английский к южнее большой дороги). Стоявшая в Баварском лесу артиллерийская группа также не имела никакого пехотного прикрытия. На позиции 1-й батареи XII ландштурмового тяжелого артдивизиона вскоре после 8.30 пришло несколько человек минометной роты и сообщило, что противник достиг уже высоты, что западнее этого леса. Командир батареи тотчас же отправился сам в этом направлении, чтобы при улучшающемся наблюдении лично выяснить обстановку (связь к наблюдательному пункту была естественно уже давно порвана). Едва выйдя из леса, он увидел один танк, который как раз подошел к западному углу леса (8.15). Возвращаясь обратно к уже открывшемуся заградительный огонь батарее, он встретил артиллеристов 2-й батареи

405-го полка тяжелой артиллерии, которые ему донесли, что противник только что захватил их орудия. Одновременно стало слышно, как замолчала 1-я батарея 405-го полка тяжелой артиллерии. Она была охвачена танками с тыла. Когда он достиг огневой позиции, по орудиям уже велся слева пулеметный огонь. И все же батарея продолжала вести огонь с полной силой почти до 9.25. Однако затем и она была охвачена, и лишь командир батареи с 6 артиллеристами, частично ранеными, смог прорваться. Аналогичная судьба постигла и 3-ю батарею 405-го полка тяжелой артиллерии. Ее отчаянное сопротивление можно было наблюдать с позиции 2-й батареи 47-го полка легкой артиллерии. После того как ее орудия были приведены к молчанию, оружейная прислуга открыла огонь из пулеметов и подавила неприятельскую пехоту впереди окружавших позицию препятствий. Вслед за этим однако и здесь с тыла подошел один танк и положил конец сопротивлению. Ни один человек из этой батареи не вернулся назад.

Таким образом противник на участке среднего полка достиг своей первой цели лишь в 9.30 (вместо 7.20), главным образом благодаря упорному сопротивлению пехоты у оврага и в лесу Шварц. Эта потеря времени однако осталась без всякого влияния на дальнейший ход боя, так как ведь на линии первой цели атаки была предусмотрена остановка на 2 часа. За это время вторая атакующая волна (7-я канадская бригада) подошла вплотную к первой и могла лишь немного позднее, чем это было приказано, начать движение на вторую цель атаки. Ей были приданы (кроме уже действовавших 28 танков) еще 6 боевых и 2 транспортных танка; последние были нагружены инженерными средствами и боеприпасами. На германской стороне в этот момент достаточная пехотная поддержка еще не была на месте, а в еще не захваченных батареях большое количество орудий вышло из строя. Фактически лишь около 15 орудий могло вести огонь на этом участке.

373-й полк также располагал лишь 2 ротами отдохавшего батальона и 4 станковыми пулеметами. Поднятые преждевременно по тревоге, они должны были сосредоточиться в овраге Раухенбергер. Однако лишь небольшая часть их достигла цели и приняла участие в ближней обороне одной батареи, главной же части удалось войти лишь до выс. 102, где она была атакована из Демюэн. Хотя первые неприятельские атакующие части и были отброшены контратакой, однако этот важный пункт был также одной из целей неприятельской пехоты, атаковавшей из Баварского леса и из района севернее его. Ей прокладывали дорогу многочисленные танки, двигавшиеся от Демюэн в овраг Раухенбергер. 5-я батарея 47-го полка легкой артиллерии, насколько было возможно, зела огонь и могла при этом еще подбить один танк; однако охватывающие части противника проникли уже к позициям 9-й и 6-й батарей 47-го полка легкой артиллерии. Хотя последним и удалось вывести из строя 3 танка, однако в 9.45 после героического сопротивления обе они были взяты противником; через 15 мин. то же самое случилось и с 3-й и 5-й батареями 47-го полка легкой артиллерии. Теперь танки поползли из оврага и пошли с северо-запада, севера и даже северо-востока на вершину выс. 102. Части, занимавшие выс. 102, уже израсходовали полностью все свои бронебойные пули. В 10.30 противник занял выс. 102.

Где же остались обе другие половины отдохавших батальонов 217-го

и 373-го рез. полков? Ведь они находились на биваке в лесу юго-восточнее Кайе и должны были бы уже давно подойти. Назначенные первоначально в дивизионный резерв (под командой ротмистра Краузе) вместе с не введенными еще в действие 259-й и 344-й сапротами, они затем по получении первых сведений о прорыве противника на участке 217-го рез. полка и на левом фланге 117-й пехдивизии были в 6.30 переданы командиру бригады для организации контратаки через Кайе севернее ручья Люс и направились туда. Когда же затем в 7.00 дивизии стало известно о проникновении противника также и южнее ручья Люс, она приказала направить дивизионный резерв в контратаку южнее этого ручья. Соответствующий приказ командира бригады дошел до командовавшего дивизионным резервом лишь в 7.50. Он должен был раньше достичь рощи, что к юго-западу от Иньокур; через час он получил распоряжение от бригады, атаковать под руководством штаба 217-го рез. полка Демюэн. Командира последнего однако уже не было; в последний раз его видели на передовых позициях своего полка. Вследствие всех этих противоречивых распоряжений, а также будучи, естественно, задержан сильным артиллерийским огнем, который противник вел по району Кайе, дивизионный резерв достиг района юго-западнее Иньокур лишь незадолго до захвата противником 9-й и 6-й батарей 47-го полка легкой артиллерии. Непосредственно за этим дивизионный резерв был атакован многочисленными танками и сильными пехотными частями не только с запада, но также и с направления выс. 102. После небольшого боя он должен был около 10.20 отойти на дорогу Иньокур — Бокур и вслед затем на Кайе, так как на юге не было никакой связи со своими частями, а пулеметы, не имея бронебойных пуль, ничего не могли сделать танкам. Из этого отступательного боя, который происходил под сильнейшим огнем неприятельской пехоты, танков и сильных воздушных частей, лишь остатки рот дошли около 11.00 до Кайе и расположились на высотах восточнее леса (что юго-восточнее Кайе). Здесь они совместно с отделившимися частями отдохавшего батальона 117-й пехдивизии, 217-го рез. полка и различными сапчастями должны были образовать новую линию сопротивления. Единственно артиллерийской поддержкой, которую дивизионный резерв получил, была оттянутая для перевооружения полубатарея 7-й батареи 47-го полка легкой артиллерии, отошедшая к западу от Кайе; однако она скоро израсходовала все свои снаряды.

О бое 18-го рез. пехполка на левом фланге дивизии имеются лишь скудные сведения¹. Так как его участок лежал в полосе наступления 42-й французской дивизии, его передовая линия была атакована лишь в 6.05. Повидимому первый успех был достигнут противником благодаря быстрому продвижению в овраг, лежащий южнее леса Шварц. Здесь передний край был прорван уже в 6.30 и через 20 мин. первые атакующие части появились около командира передового батальона. Все же видимо благодаря сделавшемуся возможным из-за небольшой ширины участка большому эшелонированию в глубину передового ударных батальонов дальнейшее продвижение противника неоднократно задерживалось, так как передовая батарея (2-я батарея 47-го полка легкой артиллерии) была им захвачена лишь около 9.45. Остатки

¹ Журналы боевых действий штаба полка и I и III батальонов утеряны.

ко затем вместе со 153-й французской дивизией, которая выдвинулась теперь на переднюю линию (см. стр. 114), пошла в атаку большая масса танков в направлении Виллер-о-Эрабль и южнее его. Этой подавляющей силе ни немногие продолжавшие еще вести огонь батареи, ни тыловые части ударных батальонов не могли оказать сколько-нибудь значительного сопротивления. В 10.00 противник захватил последнюю, 8-ю, батарею 47-го полка легкой артиллерии. Непосредственно вслед за этим он овладел селением Виллер-о-Эрабль, перед южной частью которого еще раньше появились танки и пехота.

К этому времени дивизия могла принять новое решение. Около 9.50 на ее командном пункте адъютант 376-го пехполка (109-й пехдивизии) доносил: «Полк прибыл в распоряжение дивизии (см. стр. 140) и находится своими передовыми частями в движении из района южнее Гарбоньер на Кайе». Одновременно командир дивизии узнал, что командование LI корпуса подчинило ему также полк Бельмана (капитан III батальона 192-го полка), состоящий из 3 отдыхавших батальонов 192-й пехдивизии (см. стр. 139—140); он должен был сосредоточиться в рощах, юго-восточнее Бокур. Поэтому командир 225-й пехдивизии приказал 376-му пехполку, отдыхавшему батальону 18-го рез. полка и полку Бельмана совместно с батальоном Краузе (см. стр. 126) перейти сосредоточенно в контратаку между ручьем Люс и дорогой Амьен — Руа через выс. 102 и снова овладеть запасными позициями артиллерии. Это выполнить не удалось (см. стр. 144 и след.); однако в результате этого приказа отдыхавший батальон (II) 18-го рез. полка (кроме отдельных частей, которые уже были командиром батальона самостоятельно направлены вперед) задержался в балке восточнее Бокур. Между тем штаб 18-го рез. полка в 8.30 был выбит огнем со своего командного пункта (замок Виллер) и отправился в направлении II батальона, чтобы, не зная упомянутого приказа дивизии, направить его в контратаку. У южного выхода из Мезьер он встретил 2-ю пультроту и приказал ей следовать в направлении на Виллер. Прибыв в батальон восточнее Бокур, он застал там только 3 роты (6-я рота была направлена на Белый дом) и узнал, что батальон согласно приказу дивизии должен оставаться здесь. Так как вслед за этим с выс. 102 появились большое количество танков и конница, двигавшиеся в восточном направлении, он приказал этим 3 ротам занять позицию на скате севернее Бокур и открыть огонь по танкам и коннице. После этого они продолжали вести бой совместно с полком Бельмана (см. стр. 149).

Тем более приходится удивляться тому, что противник лишь около 13.00 мог занять Мезьер. Очевидно он был здесь введен в заблуждение искусными мероприятиями, предпринятыми командиром 373-го пехполка. Этот последний еще раньше поспешно собрал у северо-западного выхода из Мезьер всех имевшихся налицо посыльных, вестовых, телефонистов, 5 сапер различных саперных рот и 4 человека 18-го рез. полка. Этой группе удалось установить связь влево с частями 4-го баварского пехполка и привлечь к себе для обороны 2 ручных пулемета баварцев. Когда затем противник появился на восточной опушке рощи, что севернее Виллер (парк замка), эта небольшая группа открыла сильный ружейный и пулеметный огонь, меняя при этом место своего расположения и вводя противника в заблуждение относительно слабости своих сил. Это длилось почти полных 2 часа, а французская пехота не осмелива-

лась двигаться. Лишь в 12.30 она пошла густыми массами вперед, после чего обороняющиеся удрали через деревню и южнее ее попали на позицию отдохавшего батальона 4-го баварского пехполка (см. стр. 134). Повидимому в этом бою у Мезьер принимала участие также 2-я пул-рота 18-го рез. полка со своих позиций южнее Мезьер, на которых она слабой группой с северо-западного выхода из селения не была замечена.

Не говоря уже об этом местном бое у Мезьер, судьба всей 225-й пехдивизии была уже около 11.00 решена. Стоявшая на позициях артил-лерия была целиком потеряна, из передовых и ударных батальонов почти никто назад не вернулся, а отдохавшие батальоны после рас-средоточенного введения их в дело были частично брошены в контр-атаку, частично вовсе не доведены до нее.

Продолжали еще держаться составленная из весьма различных частей и уже расстроенная группа Краузе на высотах юго-восточнее Кафе и 3 роты 18-го рез. полка севернее Бокур. Между ними зиял незанятый никем прорыв. И как раз теперь началось предусмотренное против-ником с самого начала движение вперед 3-й кавдивизии. Более благо-приятной обстановки последняя не могла нигде встретить.

4. 14-я (БАВАРСКАЯ) ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

Передний край на участке 14-й баварской пехдивизии проходил так же неблагоприятно, как и на участке 117-й пехдивизии. Выдавшаяся вперед дуга, тянувшаяся от северо-западной окраины леса Бирнен и доходившая до р. Авр у Морейль, давала возможность охвата с севе-ро-запада и даже с севера. Однако оттягивание позиции назад было из-за лесистого характера местности сопряжено с большими невыго-дами, так как привело бы к отказу от обладания наиболее высоким пунктом на всей местности — широким плато выс. 110. Ширина участка по линии переднего края равнялась полным 5 000 м. Главная линия сопро-тивления, включая боковое охранение, была занята 9 ротами — каждая силою максимум 40—50 штыков — с нормальной придачей им пулеметов и минометов. Совершенно очевидно, что такие слабые подразде-ления заняли плохо оборудованные позиции с очень незначительной плотностью и могли удержаться против сильной атаки лишь в том случае, если они при хорошем наблюдении были поддержаны сильной артиллерией. И то и другое 8 августа полностью отсутствовало, так как туман, стлавшийся по долине р. Авр, держался дольше, чем на высотах, а количество имевшейся артиллерии в связи с широким пр-тяжением фронта было чрезвычайно скудным. Из 52 орудий 3 орудия назначенных для противотанковой обороны, исключались из участия в заградительном и уничтожающем огне, затем 5 орудий было с самого начало подбито, так что на каждое из остальных 44 орудий при-ходился участок фронта протяжением больше 110 м. Поэтому даже при максимальной скорости огня не могло быть и речи о возможности создания перед фронтом сплошной огневой завесы. Превосходство противника было здесь еще большим, чем в 225-й пехдивизии. Здесь баварцам пришлось обороняться против сильных частей 42-й, всей 37-й и почти двух третей 66-й французских дивизий, которые правда атако-вали без танков. Первая атака была подготовлена чрезвычайно сильной артиллерией, артиллерийская подготовка которой длилась в течение 45 мин.

В 6.05 началась планомерная атака против обоих правых участков. С этого времени огонь велся с особенной силой также и по лесу Гранатен, который был сильно отравлен ОВ. Поэтому расположенные в нем резервные части были задержаны в своих укрытиях, когда на переднем крае уже шел бой. Преждевременный прорыв противника на участке правого соседа, в овраге севернее леса Гранатен (в 6.30), сразу же оказал влияние и на правый фланг 4-го баварского пехполка. Уже в 7.15 с севера появились передовые французские пехотные части непосредственно севернее 3-й батареи 37-го ландверного полка тяжелой артиллерии, охватив таким образом и фланг расположения резервов. Одновременно противник прорвался и к расположению командиров передового и ударного батальонов среднего полкового участка. Командир передового батальона 8-го баварского пехполка капитан Штекель сообщает:

«В 6.45 с передовой линии были поданы ракетами сигналы к открытию заградительного огня; однако наша артиллерия стреляла чрезвычайно слабо. Одновременно стал слышен пехотный и пулеметный огонь спереди и со стороны расположения командира ударного батальона. Когда затем была обнаружена неприятельская пехота со стороны леса Бирнен, находившийся при мне пулемет открыл по ней огонь; начальник пулемета был тут же ранен. С 7.00 противник начал наступление как из леса Бирнен, так и из леса Гранатен, и вскоре позиционные части, управляемые белыми французскими офицерами, проникли в эту балку».

После того как штаб батальона был захвачен в плен, он встретил по дороге на Кастель «новые белые атакующие части». Наверное речь идет здесь уже о 153-й дивизии, которая двигалась вплотную, чтобы выдвинуться на передовую линию, как только последняя достигнет плато восточнее леса Гранатен.

В плену, — говорит дальше капитан Штекель, — я встретил адъютанта командира ударного батальона, от которого я узнал что противник и до него добрался также в 7.15».

Указанный час подтверждается наблюдателем 7-й батареи 23-го полка тяжелой артиллерии унтерофицером Шерер, который в 6.45 со своего наблюдательного пункта (на северо-восточном углу квадрата 6810) обнаружил непосредственно севернее себя первые атакующие части противника. К сожалению он уже не имел связи со своей батареей. Таким образом охват всей позиционной дуги, включавшей участки 4-го и 8-го пехполков, уже в 7.15 зашел очень далеко. Германский заградительный огонь велся однако еще впереди переднего края, так как до этого времени вообще никаких донесений с самого начала неприятельской атаки не поступало. Отдельные части передних и ударных батальонов обоих пехполков продолжали по силе возможности обороняться внутри леса, но охват с севера достигал все больших размеров, кольцо вокруг леса все более и более замыкалось и из 4 батальонов назад вернулись лишь остатки. В 8.00 неприятельская пехота вышла на восточную окраину леса Гранатен. Отсюда она взяла более южное направление не столько для того, чтобы еще дальше к югу охватить фронт германских пехполков, но и для того, чтобы освободить район для следовавшей сзади 153-й дивизии.

В этой обстановке, когда в 7.55 началась атака противника с запада на Морейль, судьбу переднего и ударного батальонов левого полка